

Трилогия
в одном
томе

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Росич

Москва, 2016

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Трилогия
в одном
томе

- Концерн •
- И пришел с грозой военной... •
- Мы наш, мы новый... •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 2005 году
Выпуск 150

Художник
С. Дудин

Калбазов К. Г.

К17 Росич: Концерн; И пришел с грозой военной...; Мы наш, мы новый... — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016.— 762 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2196-1

Чем заняться троим друзьям, волей судьбы заброшенным из 1998 года в год 1898-й? Хм... Быть может, вмешаться в ход истории и переиграть итоги Русско-японской войны? В принципе ничего невозможного в этом нет, и уж тем более с их знанием о пока неизвестных здесь технологиях.

Им выпало пять долгих и вместе с тем стремительных лет, чтобы успеть подготовиться к грядущим событиям. Придется преступать законы, не гнушаясь тяжкими последствиями, и ставить в заклад собственные жизни. И все только ради одной цели. Но вот захочет ли старушка История свернуть с проторенного пути и пойти новым? Вопрос серьезный. Ответ неоднозначный.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2196-1

© Калбазов К. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

● Концерн ●

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июнь 1998 года

Глава 1

КОМАНДИР 247-го

Антон с явной неохотой отложил в сторону книгу и прислушался к дыханию корабля. Что-то было не так. Что-то заставило его отложить в сторону увлекательное чтение. Что именно, он пока не мог понять, так как был далеко от настоящего. Мысленно он все еще был в 1904 году. Переживал успехи и неудачи русских армии и флота, прикидывая, что бы он сделал не так, будучи на месте того или иного командира. Как бы мог повлиять на исход войны адмирал Макаров, не подорвись на mine броненосец «Петропавловск» или хотя бы остаться жив сам адмирал.

Но настоящее постепенно все же завладело им, и Песчанин наконец осознал, что именно отвлекло его. Начала усиливаться качка.

Когда молодой капитан-лейтенант появился на мостике, его встретил помощник. Кисло улыбувшись, Старцев обреченно развел руками:

— Вот, командир, полюбуйся на наших синоптиков. Еще утром предсказывали не погоду, а манну небесную. Теперь весь эфир оборвали штормовым предупреждением.

— Сколько грозятся?

— До двенадцати баллов.

— Сколько?!!

— Ты не ослышался, командир.

— Да они что там, охренели?!!

Старцев молча взирал на ту бурю, что уже разразилась перед его глазами. Он прекрасно понимал Антона — еще несколько минут назад он и сам выдал такую трель, что любо-дорого. Затем вызвал штурмана, и они прикинули, сколько до ближайшей безопасной стоянки, после чего на пару выдали ничуть не менее заслуживающую выполнения тираду, и, собственно, в результате этих телодвижений он не успел вызвать командира, а когда уже собрался — тот сам предстал пред очами своих офицеров.

— Ладно, это полемика, — успокоившись, через минуту резюмировал Песчанин. — Сколько до ближайшей стоянки?

— Два часа полным ходом, — вступил в беседу штурман лейтенант Котов.

— А когда нас накроет?

— Ты перестал разбираться в погоде? — Вопрос Старцева звучал с неприкрытой иронией и как-то нервно — было с чего нервничать.

— Нет, не перестал. — Взглянув на штурманскую карту, Песчанин повернулся к рулевому и скомандовал: — Право тридцать.

— Что ты задумал, Антон? — В голосе Старцева отчетливо промелькнули тревожные нотки.

— Трудно догадаться? — невесело ухмыльнулся Антон. — Мы у Кунашира, и там есть одна неприметная бухточка.

— Ты с ума сошел? Ночью, в такую погоду?

— Здесь нам один хрен кранты. Выхода нет. Андрей, играй побудку.

— Есть, командир, — безнадежно вздохнул Старцев. Конечно, лезть в ту неприметную бухточку — весьма сомнительное удовольствие, но если синоптики правы, то в море им точно верная смерть.

Молодые парни, которым выпала честь служить на сторожевом катере № 247 Тихоокеанской пограничной бригады сторожевых катеров, с матами посыпались с матросских шконок. Но как ни недовольны были матросы неурочной побудкой, отлынивать никто не пытался. Быстро одевшись, экипаж поспешил занять свои места согласно боевому расписанию, прилаживая на ходу спасательные жилеты. Морская жизнь быстро заставляет взрослеть и сплачиваться в команду. Иначе нельзя. В море каждый вручает свою жизнь в руки другого и сам держит в своих чью-то.

Погода менялась стремительно, и при сильном волнении маленький сторожевик в полном мраке, перекатываясь с одной волны на другую, нащупывая берег радаром, двигался, полагаясь только на счисления штурмана. Вскоре определились три ориентира. Песчанин с удовольствием заметил, что катер вышел точно к намеченной цели.

Теперь начиналось самое трудное. Впереди был узкий, извилистый фарватер в защищенную со всех сторон маленькую бухту.

Оттеснив в сторону рулевого, Песчанин занял его место и, обернувшись к бледному как полотно штурману, озорно ему подмигнул:

— Валера, потом бояться будем. Командуй и не бойсь — я все исполню как надо!.. Машина, малый вперед! Понеслась душа в рай!

— Типун тебе на язык, — не сдержался Старцев, однако это было все, что он сказал. Дальше он только молча наблюдал за действиями штурмана и командира, боясь чем-либо отвлечь их. Катер немилосердно раскачивало на крутой волне. В такой ситуации удерживать судно на заданном курсе в условиях узкого прохода практически невозможно. Мысленно Старцев проклинал Песчанина на чем свет стоит, но продолжал хранить молчание.

Вдруг катер проскрежетал днищем о подводную скалу — все внутри Старцева словно обдало холодом. Корпус мелко задрожал и завибрировал, снизу донесся гулкий звук удара, и все уже были готовы услышать скрежет немилосердно разрываемого металла, но в этот момент катер вырвался из теснины прохода на спокойную воду бухты.

Заякорившись, Песчанин отдал команду осмотреть корабль и через пару минут удовлетворенно выслушал доклады с боевых постов. Экипаж цел и невредим, не считая пары шишек и синяков. Повреждения — небольшая вмятина по левому борту ниже ватерлинии.

— Фу-у! Прошли по касательной, — облегченно, с задорной улыбкой произнес Антон.

— Антон, это обязательно было делать? — вновь взвился Старцев.

— А у нас был другой выход? — вопросом на вопрос ответил тот ему.

В этот момент из машинного отделения на палубу поднялся мичман героических пропорций, осмотрев очертания берега, он недовольно покачал головой и направился на мостик.

— Ну вот, мало мне было тебя — так теперь и Гризли понял, где собака порылась, — опять вздохнул Песчанин.

Механика не зря прозвали Гризли. Косая сажень в плечах, под два метра ростом, приплюсовать сюда еще свирепый своенравный характер — и получится полное соответствие. Этот детина не мог ужиться ни с одним командиром, и его за малым не списали вчитую, однако за него вступился Песчанин и уговорил приписать мичмана к его катеру. К тому же Семен был по-настоящему знающим механиком, в дизелях разбирался превосходно, вся матчасть у него всегда была в полном порядке. А характер? Так Песчанин и сам был не подарок. Как так вышло, никто сказать не мог, да и для самого Антона это было настоящей загадкой, но мичман Гаврилов вдруг проникся к нему уважением и беспредельной преданностью — впрочем, в этом плане он не был одинок: вся команда любила и была предана своему командиру. Есть такая категория людей, которая располагает к себе с первой встречи, и ничего с этим не поделаешь.

Любой член команды знал непременно одно: командир их не бросит и не предаст ни при каких обстоятельствах, а главное — всегда остается хозяином своего слова. Если Песчанин обещал поощрить, то поощрение было достойным, хотя подчас, чтобы добиться своего, ему приходилось становиться в пику с командованием. Если обещал наказать, то провинившийся буквально стонал под тяжелой дланью командира, причем в этом случае гауптвахта была самым безобидным из возможных вариантов.

Поднявшись на мостик, Гаврилов, словно медведь, в честь которого ему дали прозвище, навис над командиром и пророкотал своим неподражаемым басом:

— Когда прошла команда на малый вперед, я заподозрил, что это может быть именно это место. Но я не поверил самому себе, даже когда почувствовал знакомые повороты.

— Синоптики напутали, — слегка пожав плечами, прокомментировал свои действия Песчанин.

— Много?

— Баллов на пять.

— Да они там что, совсем охренели? Эх, нету на них советской власти: при Советах живо бы по этапу пошли. Это же не одни мы в эту лабуду попали.

— Эт точно. Чай будешь?

— С коньяком? — с хитрым прищуром поинтересовался Гризли.

— С лимоном.

— За вредность положено...

— С лимоном, — упрямо гнул свое Песчанин.

Взглянув на командира, Гаврилов обернулся к штурману и старпому, но те проигнорировали его призыв о помощи, — выбора не было, и он безнадежно махнул рукой:

— Приказать принести в кают-компанию?

— Прикажи организовать чай матросам — натерпелись, поди, — а мы в мою каюту.

— Добро.

В маленькой каюте командира катера было тесновато для четверых — это если сказать очень скромно, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. На небольшом столике были разложены пока еще не убранные книги.

Взяв одну из них, Гаврилов прочел титул, ухмыльнулся и положил обратно. Старцев и Котов также уловили название, но эмоций высказывать не стали.

— Поражаюсь я тебе, командир, — сокрушенно резюмировал Гаврилов. — Боевой командир. Лихой моряк. Гроза всех женщин и бильярда. И на кой черт тебе сдалась эта история? И ладно бы что разнообразное, а то одно и то же и про то же — только и знаешь, что русско-японскую войну гонять вдоль и поперек. Да ты небось уже больше любого профессора про этот период знаешь.

Принесли чай, и Гаврилов был вынужден прекратить свою тираду. Когда же матрос ушел, Песчанин, не дав Гаврилову раскрыть рта, заговорил:

— Слушай, Гризли, ты любишь ловить рыбу?

— В смысле — на удочку?

— Именно.

— А что может быть лучше рыбалки? Разве только рюмочка отличного коньяку с лимоном и кофе или женщины.

— А я терпеть не могу сидеть часами и пялиться на дурацкий поплавок, даже если имеет место самый бешеный клев. Но зато с удо-

вольствием знакомлюсь с новыми фактами прошедших событий. И смею тебя заверить, что интересуюсь не только указанным тобою периодом. Просто русско-японскую войну я сильно близко принимаю к сердцу.

— Истории не изменить, Антон, — решил вступить в беседу Старцев.

— Знаю. Но нравится мне история, и ничего в этом плохого я не вижу. А потом, народ, забывающий свою историю, обречен на одни и те же ошибки. Ведь история развивается по спирали, и те или иные события имеют свое отражение в будущем, только на другом этапе. Ну взять хотя бы войну на Кавказе. Ведь в девятнадцатом веке уже была война, и русские солдаты обильно полили кавказскую землю своей кровью. И что мы имеем сегодня? Опять идет война, и опять русские солдаты стоят на тех же рубежах, что и их предки.

— Согласен. Но почему именно русско-японская? Семен прав: ты можешь и докторскую защитить на эту тему, — поддержал механика Старцев.

— А ты представь, что адмирал Макаров не погиб, — что тогда, по-твоему, произошло бы?

— Ну ты загнул. Макарову в то время не было равных. Я думаю, что русский флот все же овладел бы преимуществом на море, десантной операции под Бицзиво не было бы, а осады Порт-Артура как таковой, так как он в конце концов добился бы передачи под свое командование всех войск Квантунского полуострова, а соответственно остановил бы японцев еще под Цзиньчжоу, так как там японцы выиграли только благодаря беспредельной тупости и трусости генерала Фока. В общем, Россия победила бы.

— Я думаю так же. Но что было бы с Россией?

— Ну, историк у нас ты, так что тебе и карты в руки, — ушел в отказ старпом.

— Я предполагаю, что Россия выиграла бы войну, но сказалось бы это весьма негативно. Революции пятого-шестого годов избежать не удалось бы. В армии и флоте не были бы проведены реорганизационные мероприятия в той мере, в какой это имело место. И хотя флот не понес бы значительных потерь, к моменту вступления в войну России легче бы от этого не стало. В этом случае России пришлось бы воевать на три фронта. На западе, на Кавказе и на Дальнем Востоке, и теперь уже Япония не стала бы нападать на германский порт Циндао, а совместно с немцами обрушились бы на Порт-Артур и Владивосток. В общем, все то же самое — затянувшаяся война, революция и все остальное дерьмо. — Последнее Антон произнес с таким видом, что, казалось, окажись сейчас перед ним кто-либо из тех революционных вождей, порвал бы как тузик грелку, причем голыми руками.

— Хрен редьки не слаще, — резюмировал Гаврилов. И зачем себе забивать голову, если даже в теории ничего нельзя изменить?

— В теории-то можно. Я в этом уверен, — успокоившись, произнес Песчанин.

— Интересно послушать, — оживился Старцев.

— Еще Ленин назвал гибель адмирала Макарова необходимой жертвой на алтарь революции, так как тоже предполагал, что, оставаясь жив Макаров — и Россия победила бы в войне, и в этом случае революционные выступления не имели бы того размаха, который имел место быть, — начал говорить Антон. — Однако предположим, что адмирал все же погиб. В этом случае ярко раскрывается вся несостоятельность военно-морского командования, как оно и было на самом деле. А вот дальше не помешали бы кое-какие изменения. Предположим, что Стессель поручил командование на Цзиньчжоуском перешейке не генералу Фоку, а Кондратенко. В этом случае японцы не смогли бы разбить русские части, и даже более того — были бы сами разбиты наголову. Ведь даже в бою со всего лишь одним полком армия генерала Оку к концу дня была крайне истощена, а боеприпасов не оставалось практически никаких. Достаточно было нанести всего один контрудар — и японцы покатились бы назад. Я уже не говорю о том, что, командуя там Кондратенко, высадка японской армии под Бицзиво не прошла бы столь гладко. Десант в другом месте на Квантунском полуострове? Маловероятно. Хотя адмирал Макаров и погиб, в Порт-Артуре все еще находилась вполне боеспособная эскадра, и предположить, что нерешительность русских адмиралов дойдет до таких пределов, японцы просто не могли. Одно дело не препятствовать высадке десанта вдали, у Бицзиво, и совсем другое — у себя под носом, в непосредственной близости от крепости: это уже пахнет военным трибуналом. Таким образом, японцы могли подойти к крепости не к концу июля, а только к осени. Защитники крепости получали фору во времени и могли значительно лучше подготовить оборонительные сооружения. В любом случае оборона крепости затянулась бы до подхода эскадры адмирала Рожественского.

Новиков-Прибой в своей книге «Цусима» расписал Рожественского как бездарного флотоводца. Но как следует из архивных документов, это соответствовало коммунистической пропаганде, но не соответствовало истине. Рожественский не был гением, но командующим был неплохим. Ему не достало времени, и элементарно снарядов, должным образом подготовить свою эскадру. Ведь большинство личного состава было резервистами. Его эскадра уступала японской как в вооружении, так и технически, и в подготовке личного состава. К тому же за прошедшее время японские моряки успели получить боевой опыт, которого не было у русских моряков. Поэтому, идя на прорыв через Цусимский пролив, Рожественский рассчитывал на то

обстоятельство, что в ходе последних боев при помощи артиллерийского огня не было потоплено ни одно судно, кроме «Рюрика», что можно было считать исключением, но отнюдь не правилом.

Если же к моменту подхода эскадры Порт-Артур продолжал бы держаться, русский флот получал неоспоримое преимущество. В этом случае на месте адмирала Того я не рискнул бы выходить на бой с русскими. Для Рожественского не составило бы труда скоординировать действия двух эскадр, и у Того не было бы возможности разбить обе эскадры поодиночке.

В общем, огромный полет фантазии. Сказать наверняка что-либо трудно. Но сдается мне, что история России все же намного отличалась бы от той, которая нам известна. — Песчанин залпом допил остатки чая и, потянувшись, закончил: — Ладно, парни. Вахта по расписанию, ждем окончания шторма — и в район патрулирования.

Глава 2 В ОТПУСК

— Ну что, морской волк, ты еще не угомонился? Просто чудо, что ты не разбил катер вдребезги и не погубил людей!

— Но, товарищ капитан первого ранга, в той ситуации я не видел другого выхода.

— Как это понимать?! Ты хочешь сказать, что тебя испугал шторм в шесть баллов или наши катера не способны выдержать подобного волнения?!

— Но у меня не было такой информации. Была получена радиogramма о шторме в двенадцать баллов, а это верная гибель для такого малого...

— Я и без тебя знаю, что это значит! Щенок! Почему ты не связался с базой?! Почему не затребовал подтверждения?!

— Неполадки со связью...

— А какого хрена у тебя неполадки с радиостанцией?! Или за это тоже должны отвечать синоптики? Ты бы лучше за порядком на своем катере следил, а не принимал авантюрных решений, рискуя личным составом и казенным имуществом!

— Но все ведь прошло удачно, катер практически не пострадал.

Не скрывавший своего бешенства командир бригады с побагровевшим лицом молча взирает на вконец обнаглевшего каплея. Песчанин всем своим существом ощущал, что командир готов его испепелить или разорвать на кусочки. Что и говорить, на этот раз своей выходкой он превзошел самого себя.

Комбриг Первых в душе завидовал этому парню. Возможно, потому что сам никогда не обладал тем чутьем и мастерством вождения

корабля, каким отличался командир 247-го, никогда не имел столь решительного и целеустремленного характера.

Еще когда молодой лейтенант Песчанин появился в городке, смущая красавиц своим неотразимым видом, а сослуживцев небывалым рвением в службе и сильной хваткой, комбриг сразу же обратил на него внимание. Песчанин обладал своенравным характером. Часто становился в пику начальству, за что многие не любили его. Но он был не просто способным парнем, а действительно обещал стать знающим офицером и достойным моряком. Даже недолюбливавшие его старшие офицеры всегда сходились к одному: если необходимо было сделать что-либо хорошо, то это нужно было поручить именно Песчанину, а затем без какого-либо контроля просто дожидаться доклада о выполнении поставленной задачи. Именно поэтому Первых и не позволял съесть молодого офицера. Несмотря на, казалось бы, враждебные отношения с комбригом, Песчанин стал самым молодым командиром катера и досрочно получил два месяца назад очередное звание.

— Значит, победителей не судят. Так тебя понимать, Песчанин? — сквозь зубы процедил Первых.

— Никак нет. Готов понести наказание, товарищ капитан первого ранга.

— Пошел вон. И чтобы через пять минут на моем столе лежал твой рапорт на отпуск.

— По графику в отпуск уходит мичман Гаврилов.

— Вместе уйдете.

— Но...

— Уйди, Песчанин, или я за себя не ручаюсь, — тяжело вздохнув, подвел итог беседе комбриг.

Песчанину вовсе не улыбалось уходить как побитой собаке — это было не в его правилах. Но что-то подсказывало ему, что на этот раз он и вправду превзошел самого себя и сейчас лучше лишний раз не нарываться.

В приемной его встретила взволнованная секретарша, которая, как всем было прекрасно известно, сохла по подающему надежды каплею, однако Песчанин всячески старался избегать ее. Хотя Катя и не была разборчива в выборе методов, добываясь руки и сердца своего избранника, Песчанину все еще удавалось избегать опасных мелей, и он удачно лавировал меж расставленных сетей.

— Ну что, Антон? — широко раскрыв свои большие голубые глаза, поинтересовалась Катя, не преминув окинуть его плотоядным взглядом.

— Все нормально, Катюша, — успокаивающе произнес он, отводя глаза в сторону. Ох уж эта Катя. Хорошо хоть у нее был пунктик на счет близких отношений до свадьбы, иначе вполне возможно, что

Песчанин уже получил бы торпеду ниже ватерлинии, со всеми вытекающими.

Присев к ее столу, он быстро написал рапорт на отпуск и попросил Катю занести рапорт на подпись командиру. Как ни решителен был Песчанин, но даже он не пожелал лишний раз попадаться на глаза комбригу. Через минуту Катя вышла из кабинета и протянула ему подписанный рапорт. Небывалое событие. Минутя все промежуточные звенья, Первых подписал рапорт на отпуск уже с завтрашнего дня — формально Антону даже не требовалось сдавать дела своему старпому, так как Катерина уже начала верстать приказ об отпуске Песчанина и назначении временно исполняющим обязанности командира катера Старцева.

Несколько успокоившись, комбриг вызвал к себе Старцева и приказал к вечеру принять все дела у Песчанина. Все возможные неурядицы Первых обещал разрешить самолично, от Старцева требовалось только в кратчайшие сроки принять катер. Комбрига многие недолюбливали, но знали, что он хозяин своего слова, поэтому Старцев в пять минут принял все дела, которые, впрочем, и так были в полном порядке.

После Старцева в кабинет был вызван начальник финансовой службы.

— Петр Сергеевич, выплати все, что положено, Песчанину, чтобы уже завтра духу его не было на острове. Пускай пару месяцев покувыркается на материке, иначе я за себя не ручаюсь.

— Но вместе с ним уходит Гаврилов?

— Рассчитай и его.

— Но я не могу так сразу. Нужно заказать деньги на данную статью, а когда их пришлют, неизвестно. Вы же знаете, какие сейчас времена.

— Я знаю, что из-за отсутствия денег офицеры у нас в лучшем случае получают отпускные к концу отпуска, а сам отпуск в родном городке — так давно уже за здравствуй, но если я увижу этого мальчишку в ближайшее время, то, клянусь, застрелю его. Возьми с любой статьи, потом восполнишь.

— Я все сделаю, Олег Николаевич.

Глава 3 **ВСТРЕЧА, ИЗМЕНИВШАЯ ВСЕ**

Владивосток встретил двух моряков-пограничников ясным солнечным днем. Хотя город и не был похож на тот, родной, который знал Антон еще с детства, с нынешним запустением и грязными улицами, озлобленными недостатком средств и невозможностью купить

самое необходимое прохожими, все же он разительно отличался от хиреющего все больше с каждым годом и убогого военного городка.

Теплое солнышко согрело владивостокских красавиц и нарядило их в соблазнительные наряды — что поделать, женщины есть женщины, и как бы плохо ни приходилось, они считают своим долгом выглядеть хорошо. От этого зрелища Гаврилова попросту взяла оторопь, и по душе разлилась приятная истома, подогреваемая к тому же деньгами, оттягивавшими ему карманы.

— Да-а-а, командир, уходить с тобой в отпуск одно удовольствие. Все задолженности до последнего медяка выплатили, да еще и в рекордные сроки.

— Кому как. Чувствую, что на этот раз серьезно достал старика. Что-то будет, когда вернусь из отпуска?

— Брось, Антон. Ты не хуже любого знаешь, что старик в тебе души не чаёт, потому и отправил с глаз подальше, чтобы под горячую руку не четверговать. Пока вернемся, перебесится, — убежденно резюмировал Семен.

— Все, больше никогда не буду спорить с командиром и устраивать выкрутасы.

— Ага. Зарекалась коза не ходить в огород. Ладно, какие планы, командир?

— Думал сразу домой, к родителям. Но коли уж мы вместе оказались на материке, да еще и при деньгах... Как насчет ресторана?

— Идет. Только вот вещи давай-ка в камеру хранения, не то с сумками в ресторан...

Сказано — сделано. Уже через полчаса молодые люди удобно устроились за столиком уютного ресторанчика, каких во Владивостоке в последнее время появилось довольно много. Они с жадностью набросились на фирменные блюда, обильно заливая их «Абсолютом». Водка пришлась им по вкусу — не чета той дряни, что приходилось пить им на острове. В общем, пито было немало.

Уже ближе к полуночи в зал ресторанчика ввалилась толпа молодых парней крепкого телосложения в спортивных костюмах и коротких стрижках. Быки были уже навеселе, но маленькие глазки еще не стали ослоневшими, а даже, наоборот, светились недобрый блеском. Для завершения столь удачно начатого вечера парням не хватало только двух вещей, а именно — набить кому-нибудь морду и упасть в постель со смазливенькой девочкой. Это было написано на их лбах аршинными буквами.

Парни всем своим видом выказывали пренебрежение к окружающим, вели себя не просто по-хамски, а вызывающе. Однако все их потуги пропадали впустую. Никто не желал призывать их к порядку, и вообще все в ресторане делали вид, что ничего особенного не происходит.

Проходя мимо моряков, один из «пацанов» нагло присел за их столик и, взяв рюмку Песчанина, залпом опрокинул ее себе в рот, после чего, нагло ухмыляясь, уставился на Антона.

— Хороша? — поинтересовался Антон у быка.

— Ага, — нагло ответил тот.

— На здоровье. А теперь я попросил бы тебя оставить нас.

— Ты че хочешь сказать, мариман?

— То, что у нас с другом серьезный разговор, и он не для твоих ушей.

Сказано это было столь спокойным и ничего не выражающим тоном, что бык почему-то сразу уверился в том, что с этими моряками не стоит связываться не то что ему, но и всей их коdle. А быстрый взгляд на покрасневшего от натуги едва сдерживавшегося Гаврилова только лишний раз подтвердил правильность этого вывода. Мозгов в этой бритой голове было не так много, но инстинкт самосохранения из быка пока еще выветрился не полностью.

— Значит, базар между братанами, — решил все же сохранить лицо бык.

— Точно, — подыграл ему Песчанин.

— Это свято. Это уважать надо. Отдыхайте.

С этими словами бык поднялся и, замаявшись на секунду, все же задвинул стул на место. После чего кивнул — мол, бывайте — и направился к своим друзьям, которые в это время уже привязались к маленькой компании в углу зала. Похоже, что у парней дела шли на лад, да и мужики там были поплюгавей.

— Спасибо, командир. Я бы так не смог, — пророкотал Гаврилов. — Терпеть не могу эту шваль. Каждый раз, как бываю на материке, попадаю в милицию — а потом пол-отпуска на губе.

— Из-за этого тебя поперли из пловцов?

— В общем, и из-за этого тоже. Боевой пловец должен отличаться выдержкой, а я псих. Ну и командование... При Советах в такие подразделения абы кого по благу не засовывали. Ты либо пловец, либо делать тебе здесь нечего. А теперь... — Гаврилов только безнадежно махнул рукой.

В это время из угла зала послышались звуки словесной перепалки, быстро переросшей в потасовку. Песчанин чисто машинально взглянул в ту сторону, так как вмешиваться не собирался, потому что был уверен, что это не какой-либо посетитель решил урезонить хамов, а как раз наоборот — они нашли-таки повод дать кому-то в морду. Целый ресторан посетителей, добрая половина из которых мужики, — и шестеро расхристанных молодчиков диктуют им свои условия. Идиотизм. Если бы нашлись хотя бы те, кто хоть словесно попытался урезонить быков, он непременно его поддержал бы, но таковых не обнаружилось.

В поле его зрения попало мелькнувшее на мгновение в воздухе барахтающее руками и ногами тело мужчины в костюме. Но как ни краток был этот миг, Песчанин все же сумел рассмотреть в этом свершающем экзотический кульбит мужчине своего однокашника Звонарева Сергея.

— Не знаю, как ты, Гризли, но я, пожалуй, вмешаюсь, — поводя плечами, проговорил каплей.

— Оно тебе надо? Ведь хорошо сидим.

— Надо, Гризли, — поднимаясь из-за стола, резюмировал Антон.

Так уж случилось, что его однокашник и друг Сергей Звонарев, будучи не робкого десятка, абсолютно не умел драться, считая, что кулаки — это последний и далеко не самый умный довод. Но когда доходило до дела, а в особенности правого, никогда не отсиживался за спиной у товарищей, правда, всегда получал практически первым и всегда первым выпадал в осадок. Сложилось так, что в их дружной паре Сергей выступал с умственной стороны, а Антон с физической. Нет, Песчанин не был неуспевающим, а в том, что касалось специальных дисциплин, так и вовсе отдавался весь без остатка, но все же... Вот и сейчас Сергей оказался первым и единственным, кто не пожелал мириться с хамством: в том, что он сам попер на быков, Антон не сомневался.

Гаврилов, тяжело вздохнув, с сожалением осмотрел заставленный всяческой снедью стол и нехотя двинулся за командиром. При этом в его глазах была такая злоба, что, взгляни в них быки, они поспешили бы ретироваться из ресторана. А чего вы хотите, когда такой вечер псу под хвост?

Быков было шестеро. Хороший счет, если учесть, что их жертвы уже находились в отключке. То, что произошло дальше, буквально заморозило всех присутствующих в ресторане. Мелькали конечности, отлетали, словно мячи от стенки, быки, раздавались звуки хлестких ударов, стоны, вопли боли и надсадная брань, звон бьющейся посуды и треск ломающейся мебели. Все это продолжалось сравнительно недолго — не больше минуты, а затем вдруг настала звенящая тишина. В углу зала на ногах оставались стоять только двое моряков, возвышаясь посреди хаоса из бесчувственных тел, лежащих вперемяшку с битой посудой, опрокинутой и раздавленной едой, разбитой в хлам мебелью.

— Ну что, командир, пошли?

— Только расплатимся. Официант, счет. — Сунув Гаврилову пачку денег, чтобы он уплатил и его долю, Антон подошел к подходящему в себя Звонареву. Тот сидел на пятой точке и, тряся головой, пытался реставрировать произошедшие события. Наконец он сумел сфокусировать взгляд на подошедшем к нему парне в военно-морской форме.

— Антон?

— Здравствуй, Сережа.

— Ты как...

— Потом, все потом. Давай быстрее, не то сейчас менты понаедут — и погорел мой отпуск.

Звонарев ни за что не захотел отпускать своих спасителей и уговорил их завернуть к нему домой. Благо и повод был весомый: с Антоном они не виделись с самого выпуска. Потом, благодаря их вмешательству обидчики были повержены, а он, Сергей, отмщен. В общем, все было за то, чтобы продолжить банкет, вот только место сместить.

Квартира была однокомнатной и обставленной по-спартански — ничего лишнего, только то, что могло пригодиться для жизни одинокого холостяка. Впрочем, в углу примостился довольно неплохой компьютер. Это обстоятельство несколько удивило Антона. Нет, Сергей и в училище отличался тем, что преуспевал в области информатики и был несколько помешан на электронике, но выкинуть деньги на столь дорогую игрушку...

После второй рюмки потянуло на разговор. Гаврилов дипломатично налегал на еду, давая возможность старым друзьям наговориться вволю.

— Значит, так у тебя сложились дела, Антон. Ну, у меня все гораздо проще. Лаконичное название части, куда я попал по распределению, означало всего лишь навсегда оборонный завод, при котором имеется секретное конструкторское бюро.

— Ты не много выпил, Сережа? — вдруг всполошился Антон. Тренинги с особым отделом ему были ни к чему — тут не только загубленным отпуском пахнет.

— Нет. Не переживай, никаких тайн я выдавать не собираюсь. Пока я, так сказать, на ознакомительном этапе. Знакомлюсь с тем, что уже известно, к новейшим разработкам допуска не имею. Да и контролирую себя.

— А как ты вообще оказался в конструкторском бюро?

— Ну, на заводе я работал по командной части. Просто я в этом году заочно закончил радиоэлектронный. Тут, вертеться вокруг всех этих секретов, хочешь — не хочешь, а что-нибудь да услышишь. Вот и услышал я как-то, что у яйцеголовых что-то там не клеится. Извини, в подробности вдаваться не буду. — Антон понимающе кивнул. — Сидел как-то ночью и так, ради интереса, решил покумекать, увлекся — и через несколько дней накумекал. Когда однажды ко мне в канцелярию с какой-то жалобой ввалился яйцеголовый кап-два, я сидел над своими чертежами, и что-то его в них заинтересовало. Он посмотрел, задал пару вопросов и вышел. Я так и не понял, зачем он приходил, а через десять минут ко мне ввалились несколько особистов и без лишних церемоний скрутили меня, выпотрошили мой сейф и стол. Такой же погром устроили и дома. Оказывается, я сдуру

умудрился набросать принципиальную схему новейшего вооружения, находящегося на стадии разработки. Ну никак особысты не хотели поверить в то, что я никакой не иностранный резидент и что сам дошел до этого.

— И как же ты выкрутился?

— Повезло. У яйцеголовых один узел никак не мог склеиться, а в моих чертежах именно с ним-то все было в полном порядке. Пони-маешь. Даже если я все остальное и сдул с секретных чертежей, то этот узел никак не мог свистнуть, так как его-то у них и не было. В общем, система сейчас находится в стадии завершения, а меня — под подписочку и от греха подальше в подчинение тому самому кап-два.

— Действительно повезло.

— Чудны дела твои, Господи, — вынес свое заключение Гаврилов. — Ну, за благоприятный исход текущего мероприятия.

Выпили. Добавили. Повторили.

— Ты говоришь, чудны дела, — пьяно обратился к Гаврилову Сергей. — Это разве чудеса, вот у нас за городом действительно чудеса происходят.

— Какие такие чудеса? — не проигнорировал слов Звонарева мичман.

— Аномальная зона.

— Чего-о?

— Аномальная зона, говорю. Я сейчас увлекаюсь в свободное время всякими паранормальными явлениями. А что, — начал он заводиться на невысказанное вслух сомнение собеседников, — со всякой электронной лабудой теперь на работе не продохнуть, это теперь не хобби, а просто работа — интересная, но работа, — вот и увлекся, так сказать, в качестве хобби.

— Ерунда все это, — вынес свое заключение Антон.

— Возможно. Но только тогда ты мне ответь: Бермудский треугольник — тоже ерунда? А пропадающие то там, то здесь самолеты и попросту люди? Вы скажете, пришельцы. Ладно. Но во всех этих случаях прослеживается определенная закономерность. Понимаете, по всей Земле проходят различные энергетические линии, природа которых пока не изучена. Иногда это просто ручейки — их называют линиями, — иногда это настолько мощные потоки, что их иначе, как магистралями, не назовешь. Так вот эти линии и магистрали неизбежно пересекаются, образуя целые узлы. В местах же, где пересекается несколько линий, образуются очень сильные узлы, а если пересекаются магистрали, то там энергия буквально бурлит. Вот в таких местах зачастую и пропадают люди и другие объекты, например самолеты или корабли. И вот именно такое место я и обнаружил неподалеку. По моим прикидкам, здесь сходится не менее четырех магистралей.

— Неувязочка, — пьяно улыбнулся Антон. — Если здесь неподалеку такая аномальная зона, то почему я ничего не слышал о том, что в этом районе часто пропадают люди? А ведь я вырос во Владивостоке.

— Не знаю, но я могу только предполагать. К примеру, чудовищный выброс энергии происходит только в том случае, когда три и более магистрали фокусируются в одной точке, и в этом случае тот, кто оказался в фокусе, просто исчезает.

— Куда?

— Понятия не имею.

— А я предлагаю выяснить это прямо сейчас, — вновь вклинился в беседу Семен. — Ты же говорил, что эта самая ано-мальна-я зона где-то рядом, — пьяно, с запинкой выговорил он непривычное слово.

— Ну?

— Ну, так пойдем и поглядим. А как ее мо... можно увидеть?

— У меня есть прибор, который фиксирует колебания магнитных полей. Сам сконструировал, — гордо заключил Сергей.

— Бери.

Как говорится, пьяному море по колено. Спать не хотелось, а заняться в столь поздний час было нечем. Через полчаса друзья уже подходили к какому-то пустырю, расположенному неподалеку от дома Звонарева, на окраине Владивостока.

Аномальная зона оказалась на редкость загаженным местечком, а попросту — стихийной свалкой, до которой властям не было ровным счетом никакого дела. А до чего было им дело вообще, если уже центральные улицы буквально утопали в грязи?

Сергей достал небольшой приборчик и стал что-то сбивчиво и пьяно объяснять, тыкая пальцем в шкалу, по которой прыгала стрелка, никак не желая замирать на одном месте. Антон с Семеном на пару гоготали во всю мощь своих легких, и наконец Сергей присоединился к ним. Никто, разумеется, не стал вглядываться в шкалу и стрелку, которая начала бесновато прыгать то влево, то вправо. Вдруг она метнулась в крайнее правое положение и, дрожа, замерла, словно порываясь проследовать дальше, но ей мешал ограничитель, — а затем трех молодых парней накрыла темнота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лето — осень 1898 года

Глава 1 ПРОШЛОЕ?

Голова болела так нестерпимо, что в начинающем наконец оживать мозге билась только одна мысль: вчера явно было немало выпито лишнего — иначе никак, потому что такого мучительного похмелья у Антона не было даже от той сивухи, что приходилось пить на острове.

Антон попытался подняться, и это ему с трудом удалось: перед глазами поплыли круги, но вскоре полегчало, и он наконец смог сфокусировать зрение. В паре шагов от него на земле сидел Гаврилов и словно медведь тряс головой — вероятно, и у него похмелье протекало ничуть не лучше, что в общем-то было весьма странно. Мичман никогда не мучился похмельем даже после сильного перепоя.

Сзади обнаружился Сергей, который также начал приходить в себя и зашевелился. Наконец с большим трудом ему удалось приподняться и ничуть не менее интенсивно, чем Гаврилов, потряхнуть головой, отчего пожелтевшая хвоя слетела с его волос... Хвоя?!

Антон быстро огляделся и, не веря самому себе, увидел вокруг стену хвойного леса. Бред. Этого не может быть. Они просто не могли забраться так далеко за город. Он точно помнил, что они вышли на пустырь, где, как утверждал Сергей, находится какая-то аномальная зона.

— Командир, а где это мы? — мучаясь головной болью, прохрипел Гаврилов.

— Хороший вопрос.

Когда все наконец пришли в себя, сообща приняли решение подняться на вершину сопки и там уже сориентироваться по дальнейшему маршруту, так как ни тропок, ни дорог поблизости не наблюдалось.

По счастью, вершина сопки оказалась голой, и ничто не закрывало обзора. Занимающееся утро на удивление было ясным, прохладный воздух — абсолютно прозрачным. На соседней сопке раздался недовольный рык медведя, повсюду слышался неумолчный щебет птиц.

Внизу, на берегу бухты, раскинулся город средних размеров. В самой бухте расположилось несколько десятков судов различного водоизмещения — как военных, так и гражданских, — которые лениво коптели небо. Между этими судами то и дело сновали юркие маломерные суденышки, многие были под небольшими парусами, иные просто весельные — меньше было паровых, с низко стелющимся за ними темным дымком.

Трое молодых людей молча созерцали открывшуюся перед ними панораму, не обращая никакого внимания ни на доносящиеся различные звуки, ни на прохладный ветерок, заставивший их покрыться гусиной кожей.

— Та-а-ак. Началось в колхозе утро, — наконец взволнованно прохрипел Гаврилов.

— Гриззли, не рычи. — Песчанин пытался трясти головой, но наваждение и не думало исчезать. — Сергей, поясни.

— Кажется, получилось.

— Что получилось? — взволнованно спросил Антон.

— Ну, аномалия каким-то образом сработала.

— И что теперь?

— Не знаю, — растерянно пожав плечами, ответил Звонарев, если это вообще можно было воспринимать как ответ.

— Погоди-погоди. Что значит «не знаю»? Что это все значит? — бросив на Звонарева озабоченный взгляд, поинтересовался Антон, не в состоянии что-либо понять.

— Мы — здесь, и это факт. В массовый психоз, а тем паче в массовые галлюцинации я не верю, а значит, нас куда-то выбросило. Куда?

— Та-а-ак...

— Погоди, Гриззли. Значит, твоя аномальная зона каким-то образом сработала, и нас выбросило из нашего времени в прошлое.

— Не совсем так. На пустыре действительно что-то произошло, и нас вырвало из нашей реальности и выбросило сюда, но прошлое это или параллельный нашему мир — вопрос. Черт, да это же прорыв в мировой науке! Если это прошлое, то нам можно оставить сообщенье для самих себя и в будущем можно будет, основательно подготовившись к этому событию, нагнать ученых, оборудования и изучить это явление глубоко и всесторонне...

— Очнись, Сережа. Какой к едрене матери прорыв. Мы черт его знает где, и что нас ждет в будущем, одному богу известно.

— Слушай, академик, давай-ка открывай все назад. Мне здесь не нравится. Якорная цепь!..

Голос Гаврилова прозвучал довольно категорично, и его тон не предвещал ничего хорошего. Казалось, что одетый в тельняшку человек-гора вот-вот набросится на худощавого Звонарева и растопчет его. Быстро оценив ситуацию, Песчанин поспешил занять позицию между ними:

— Ша, Гризли. Мы сейчас не в том положении, чтобы выяснять отношения.

— А ты меня не тормози! Ты что же — думаешь, что находишься на корабле и вот так запросто меня урезонишь?

Песчанин видел, что Гаврилов сейчас не в себе и достаточно одной искры, чтобы он взорвался, а чем это чревато, ему было прекрасно известно. Необходимо что-то срочно предпринимать, пока все не зашло слишком далеко и пока Гаврилов мог хоть как-то контролировать себя.

— Лады. Твоя взяла. Но учти, что просто избить Сергея я не дам. Конечно, моя рукопашка против тебя слабовата будет, но без драки не обойдется. Только скажи мне, Семен: а чем это нам поможет? — Гаврилов продолжал сверлить Антона свирепым взглядом, но действий пока никаких не предпринимал. Песчанин решил воспользоваться ситуацией по максимуму, пока такая возможность еще существует: — Ну, полегчает тебе ненадолго. А дальше-то что? Нам сейчас, чтобы выжить, вместе держаться надо. Говоришь, субординация не работает? Добро. Только учти, что мы с Сергеем автоматически виснем на твоей шее: командуй.

Антон все рассчитал точно. Гаврилов мог рискнуть собой в самой безнадёжной ситуации и практически мгновенно ориентировался в любой боевой обстановке, но панически боялся ответственности за других. Иными словами, всеми правдами и неправдами старался избегать командования людьми.

— Я — это... Ну, в общем...

— Я слушаю тебя. Какое решение ты принял? Мы выполним его.

— Брось, командир. Все. Я в норме. Только вот хочется кого-нибудь порвать.

— Начнешь прямо сейчас или обождешь немного?

— Я же сказал. Я в норме.

— Добро. Как считаешь, где мы? — решил Антон перевести разговор в конструктивное русло.

— К гадалке не ходить — во Владивостоке, — зло пнув заросшую травой землю, буркнул гигант и добавил одними губами еще пару ласковых.

— Вот и я так думаю. Я родился во Владивостоке и ни с каким другим местом его не спутаю. Ну а на подножии этой сопки, по всей видимости, впоследствии будет построен дом Сергея.

Звонарев осмотрелся по сторонам и, мысленно прикинув, кивнул Песчанину, соглашаясь с его правотой.

— Судя по очертаниям, там в бухте находятся крейсера «Рюрик» и «Россия», — между тем продолжал Антон. — Последний построен в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году. Так как «Рюрик» все еще в гавани, а не на дне, то мы имеем период с девяносто седьмого по одна тысяча девятьсот четвертый год. Вот пока и все, что я могу

сказать. Теперь самое главное. Нам необходимо определиться — какой сейчас год, параллельный это мир или прошлое нашей Земли. Насколько история этого мира отличается от нашей. Но самое первоочередное — это средства к существованию. Я думаю, золото — это самая твердая валюта всех времен и народов. Прикинем наши возможности.

Антон сам себе поражался. Конечно, хотелось рвать и метать, да только этим делу не поможешь. Возможно, сказалось и то, что он не раз и не два мысленно прорабатывал варианты своего попадания в прошлое и то, что он сделал бы, окажись все это реальностью. Опять же множество прочитанных книг на тему попадания в иные миры наших современников все-таки несколько сгладило неправдоподобность ситуации и позволило мыслить, так сказать, позитивно.

В наличии оказались золотая печатка Песчанина, крестик на тонкой цепочке и два зуба Звонарева, а также довольно массивная цепочка на шее Гаврилова, чему немало удивился Антон:

— Откуда дровишки? Вроде не новый русский...

— Так я же с Магадана, на приисках подрабатывал. Вот справил на черный день. Сам говоришь: валюта интернациональная.

— Антон, а при чем здесь мои зубы?

— Ну, если что, то тоже какой-никакой, а актив. Гризли, отставить, — взглянув на потирающего здоровенный кулак Семена, одернул того Песчанин. — Нам только морды сейчас друг другу чистить.

— Так я же как лучше, командир, — вздохнул мичман. — Сереге к зубодеру не идти — страсть как их боюсь, — а я бы раз — испугаться не успел бы, ювелирную работу гарантирую, нам актив в копилку, ну и я бы душу отвел.

— Вон по сосне отработай — глядишь, и полегчает.

— Ага. По ней отработает. Ну что, пошли, что ли?

— Пошли уж.

Глава 2 **ПЕРВАЯ КРОВЬ**

Трое молодых людей на улицах Владивостока, одетые в несколько странную одежду, не вызывали ровным счетом никакого удивления — вернее, если оно и было, то его старались не выказывать. Очень напрягало отсутствие головных уборов. Оказывается, здесь все поголовно носили либо различные шляпы, либо картузы, и, будучи с непокрытой головой в подобном окружении, трое путешественников во времени чувствовали себя неудобно, так как явно выбивались из общего фона.

Антон обратил внимание, что язык несколько отличается от того, что принят в матушке-России конца двадцатого века, ну да это и неудивительно. Иногда он ловил себя на мысли, что теряет нить разговора из-за непривычных оборотов речи, построения фраз или при применении слов, которые в их современности попросту выпали из оборота или были заменены другими. Подобные же трудности при общении с ними испытывали и их собеседники.

Когда они заговаривали, их говор отличался от местного настолько, что на них невольно обращали внимание, но не так чтобы пристально, — ну да какого только народу нет во Владивостоке, а Россия-матушка куда как велика.

Золото продали без проблем — ювелир предложил вполне приемлемую цену. Возможно, что он их обобрал, и скорее всего так и было, но друзьям выбирать не приходилось, так как цен они все едино не знали.

Через каких-то два часа после появления в городе у них в кармане уже лежали пятьдесят рублей. Сумма весьма неплохая, если учесть, что корову в то время можно было приобрести за десять. По настоянию Гаврилова решили перекусить в одном из трактиров, правда, просьбу Семена о дегустации водки царских времен отменили начисто.

Потом посетили лавку, где прикупили по картузу: что ни говори, а привлекать к себе излишнее внимание непокрытой головой не хотелось — и без того они сильно не вписывались в окружение. Купили и один пиджак с накладными карманами, для Звонарева, чему тот сильно удивился, так как после этих покупок и трактира денег оставалось не так чтобы много. Но на Звонарева у Антона были кое-какие планы, так что карманы ему скоро понадобятся.

После всех этих манипуляций Песчанин ненадолго посетил еще какую-то лавку, из которой вышел, улыбаясь во все тридцать два зуба, сохраняя загадочный вид.

— Сережа, ты не помнишь, как мы однажды оплатили посиделку в ресторане на твой день рождения? — лукаво поинтересовался он.

— Это было не один раз, но в первый, — чувствуя подвох, подозрительно поправил друга Звонарев.

Антон, заговорщицки подмигнув, раскрыл ладонь и показал три наперстка и бусинку.

— Придется повторить.

— Антон, прекрати. Тогда мы были совсем салаги, — тут же поняв, куда клонит Песчанин, возмутился Сергей.

— Брось. Мы не так уж и сильно повзрослели. А потом, тогда нам хотелось пошиковать, а сейчас нам необходимо выжить. Так что выхода у тебя нет.

— Может, ты блеснешь своей игрой на бильярде? — предложил Звонарев, все еще надеясь, что ему не придется катать в наперстки.

— Не выйдет. Во-первых, у нас не тот прикид, чтобы мы могли пройти в приличное заведение, а во-вторых, денег не так уж и много. Так что идем на рынок — или взваливай на себя руководство группой.

Гаврилов, услышав это, приснул в кулак, но деликатно отвернулся, чтобы не нервировать Сергея, испытывая перед ним чувство неловкости из-за своей попытки покуситься на его зубы.

— Что ты постоянно шпыняешь — «станешь главным, станешь главным» — то Семену, теперь мне. А вот возьму и соглашусь, — недовольно пробурчал Сергей, но затем, вздохнув, взял наперстки. — Учти, я этим уже давно не занимался, так что и в трубу вылететь можем, ну и если застукают — одна надежда, что отобьете, я боец никакой.

— Да знаю я, знаю. Но кто сказал, что мы вот так сразу ринемся отыгрывать заработанное тяжким трудом? Потренируешься.

Отыскать тихий переулочек не составило особого труда. Так что, забившись в какой-то угол между то ли сараями, то ли непримечательными домиками — они особо не вдавались в подробности, — трое горемык начали увлеченно играть в наперстки. Вернее, играли двое, Звонарев же, потев от натуги, пытался всячески их обыграть, шельмуя с маленькой бусинкой то так, то эдак. К слову сказать, получаться начало далеко не сразу — что ни говори, но навыки Сергей подрастерял. Примерно через два часа Звонарев вдруг почувствовал, что напряжение его отпустило, руки сами собой вспомнили то, чем некогда занимались, а Песчанин и Гаврилов неожиданно осознали, что уже не в состоянии уследить за неуловимой бусинкой, которая всякий раз оказывалась не там, где должна была быть.

Рынок встретил их шумом и гамом, столь характерным, что он мало изменился за прошедшие сто лет, — вернее, он очень походил на тот, что они застали, еще будучи курсантами, в эпоху дикого капитализма. Впрочем, пожалуй, даже тот был потише, потому что там если слышались голоса зазывал, то не так часто и густо, как на этом. Отовсюду раздавались крики, нахваливающие тот или иной товар, такая реклама, не нуждающаяся ни в каком громкоговорителе, визгливые бабьи голоса то и дело перекрывали мужские, потом все повторялось с точностью до наоборот. В общем, то, что надо: народу полно, все с какой-никакой монетой — кто же на рынок пойдет без денег? — гуляй не хочу.

Предприятие оказалось довольно выгодным, хотя его-то никто не рекламировал: незачем. Достаточно было Звонареву усесться, устроив на коленях кусок доски, а Антону сыграть для затравки пару партий, как люди сами потянулись к наперсткам. В лохах недостатка не было — что поделать, такова натура человеческая: вот хочется поймать золотую рыбку — и все тут. Звонарев честно расплачивался с теми, кто выиграл, угадывая, под каким наперстком находится бу-

синка, но не забывал забирать деньги у проигравшихся. Выигрывавших он со вздохом называл глазастыми и как бы терял к ним всякий интерес, стараясь завлечь в игру других, но победителей это не устраивало: кто же откажется от возможности заработать, когда везет?

Однажды к обступившей Звонарева толпе попытался приблизиться городской, но Песчанин успел его перехватить. Не говоря ни слова, он сунул в руку стража порядка десять рублей, и тот, погрозив пальцем, но так, чтобы никто не видел, ретировался охранять порядок в стороне от играющих.

Антон поражался сам себе. Ведь когда они катали в курсантские годы, то всякий раз воровато оглядывались, а о том, чтобы сунуть мзду милиционеру, не было и речи. Едва стражи закона приближались к ним, как они тут же сворачивали свое предприятие и стремились побыстрее смешаться с толпой. Правда, когда на них попытались наехать из рыночной братвы, Антон не растерялся и тут же вступил с ними в диалог — в весьма нелицеприятный, надо заметить, диалог. Позже состоялась обстоятельная беседа с группой поддержки. Однако бригадир братвы, узнав, что ребята не занимаются этим на профессиональном уровне, а только решили подкалывать, чтобы сводить девчат в ресторан, милостиво махнул на них рукой — мол, дело молодое, чего уж там.

Здесь дело обстояло иначе. Антон даже на секунду не задумался, идя на пересечку городовому, прикрывая друга. Возможно, причина была в том, что он не воспринимал себя представителем этого мира, взирая на него как-то со стороны. Это-то чувство помогало ему и впоследствии. Отчего-то у него сложилось ощущение, что он может позволить себе наплевать на существующие законы — не в открытую, но все же.

За ужином в трактире выяснилось, что вместе с их первоначальным капиталом в наличии имеется сто пять рублей — ассигнаций было совсем немного, в основном мелочь. Вполне приемлемая сумма, если не сказать больше. Да-а, велика сила игры. Еще в прошлом, когда Песчанин со Звонаревым катали на рынке, он обратил внимание на то, что люди готовы были и играли буквально до последнего медяка, причем чем меньше денег было у игрока, тем азартнее он оказывался, спуская последние крохи; чуть не половина играющих были женщины, уже за сорок, которых, казалось бы, жизнь давно должна была научить быть сдержаннее, — как бы не так. Как видно, предки не больно-то отличались от своих потомков как в смысле жадности, так и в плане дурости.

Прибыток был весьма солидным, а если судить по покупательной способности, так и вовсе зашкаливал все мыслимые пределы: столько выигрывать за один день друзьям еще не доводилось. Но все же было решено, что назавтра Звонарев повторит свой подвиг, так как

денег все же показалось маловато. Что ни говори, а аппетит приходит во время еды.

Ночевать решили в ночлежке неподалеку, расположенной в глухом переулке. Однако когда они вступили на темную пыльную улицу, дорогу им заступили трое мужчин характерной блатной наружности — почему-то они весьма похожи друг на друга что в этом времени, что в будущем. Сзади появились еще трое, ничуть не приветливее первых.

— Здорова, кореша, — заговорил самый рослый. — Нехорошо получается. Пасетесь на нашей земле и о нас не вспоминаете...

— Откуда же нам было знать, что это ваша земля? — спокойно ответил Песчанин, припоминая, что двоих из них он приметил еще на рынке возле играющих, и еще тогда они ему не понравились.

— Надо было поинтересоваться. А то ведь вот как теперь получается, — горько вздохнул лидер местной братвы.

— И сколько мы должны вам положить?

— Штраф, вступительный взнос, ежедневная доля.

— И сколько набежало?

— Сто рубликов, — делано разведя руками, подвел итог здоровяк. — Да не журишь. Это ж из-за неуважения столько набежало. А так каждый день будете отдавать по двадцатке.

— У меня есть предложение. Вы сейчас линяете — и мы забываем, что видели вас.

— Ну-у, зачем же так грубо. Вы двое, конечно, ребята здоровые, да только ваши не пляшут... — Главарь, нагло ухмыльнувшись, кивнул на своих сопровождающих.

— Сергей, отойди в сторону, — прошипел сквозь зубы Антон.

Звонарев молча и быстро повиновался, как это часто бывало еще в их бытность гардемаринами. Что и говорить, драка — это не его конек, вот точные науки — это да. Тем не менее весь его вид говорил о том, что он готов в случае необходимости прийти на помощь товарищам: как ни верти, но трусом Звонарев не был никогда.

— Гризли, гаси, — тихо бросил Песчанин и метнулся к стоящей перед ними тройке. Семен словно перетек из одного положения в другое — и тут же набросился на задних.

Все кончилось за минуту. Перед Антоном лежали двое бесчувственных, один, тихо постанывая, зажимал живот. Песчанин обернулся к Гризли. Там тоже было все кончено, но находившийся целый день на пределе нервного напряжения богатырь не смог сдержать инстинктов боевого пловца. По неестественному положению тел было ясно, что живых там нет. Сам Семен стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Прости, командир. Я, кажется, того... Перестарался, — разведя руки, произнес здоровяк.

— Семен, убийство — и здесь убийство.

— Да я-то что... Они ножи достали.

Взвалив одного из лежавших без чувств на плечо, Песчанин направился по узкому проулку, бросив на ходу:

— Сергей, за мной. Гризли, обруби концы.

— Есть, командир. — Двумя резкими движениями мичман скрутил шею бандитам, как курятам, и припустил за своими спутниками.

На отдых остановились только за городом — все это время Антон и Семен попеременно несли своего пленника. Здесь выяснилось, что, как ни спешил Гаврилов, карманы убитых осмотреть успел: набежало шестьдесят рублей с мелочью.

Наконец пленник стал приходить в себя. Устроившись поудобнее, Песчанин потер руки и, игриво улыбнувшись, обратился к уже связанному джентльмену удачи:

— Ну что же, хлопчик, давай поговорим... — Пленник затравленно поглядывал на громил, уработавших его товарищей. — Да ты не бойся. Сразу не убили, как твоих дружков, — может, и жив останешься. Понял?

— Чего ж тут не понять-то, — угрюмо бросил тот, сразу поверив, что его подельники мертвы, и, особо не надеясь на благоприятный исход, все же решил воспользоваться шансом. Кто знает, может, и подфартит — он вообще считался везунчиком. Вот и сейчас: вроде и положение не из лучших, но с другой стороны, его подельники мертвы, а он — вон жив... Пока.

— Вот и ладненько. Сколько человек нас пасло?

— Двое.

— А сколько знало о том, что вы хотите нас пощипать?

— Только мы шестеро. Шершень сказал, что незачем много народу подтягивать, шестерых за глаза. Он бы и меньше с собой взял, но больно ему не понравился тот большой...

Антон понимающе кивнул: Семен внушал уважение с первого взгляда. Конечно, слегка разочаровало то, что его самого в особый расчет не брали, ну да это их проблемы.

— А сколько человек в ватаге?

— Двенадцать. Было.

— И кто теперь станет за главного?

— Жив останусь — я.

— Вот и ладно. Только уговор: ты нас не видел. Что произошло с друзьями, не знаешь. Я надеюсь, это тебе под силу? Прекрасно. Как мы сможем тебя найти?

— А это еще зачем? — В голосе пленника слышались и надежда и сомнение одновременно. Вроде как складывалось так, что его все же отпустят, но с другой стороны — вот ведь хотят его найти.

— Скажем так, мы — люди новые в городе и лишнее знакомство нам не повредит.

— На рынке спросите любого босяка про Варлама — покажет.

— Значит, Варлам. А скажи-ка, Варлам, где у вас катают на бильярде?

— В Холщовом переулке, в трактире «Боцман», это возле порта. Туда и иностранцы заглядывают.

— Большие ставки?

— Как сойдется. Бывает и по сотке, если есть монета.

— Спасибо, Варлам. А теперь иди. И помни, что я тебе сказал. Впрочем, можешь попробовать меня обмануть...

Непринужденный тон, каким это было сказано, вовсе не ввел в заблуждение бывалого вора.

— Ну и почему мы его туда же не отправили? — поинтересовался Гаврилов, когда Варлам скрылся из виду.

— Семен, не придуривайся. А кто нам поможет паспорта справиться, чтобы никто не подкопался? Или у тебя есть знакомые умельцы?

— Ага, только свистну. Ладно, ты главный. Рули уж.

На следующий день Варламу сообщили о том, что пятеро из их ватаги обнаружены мертвыми, с перебитыми костями. Списали на китайцев. Больно хунхузы вольготно стали чувствовать себя во Владивостоке, опять же Шершень был не босота из переулочка — абы кто поостерегся бы переходить ему дорогу. Заняв место жоака, или, как говорится, став Иваном, Варлам должен был покарать убийц, и он поклялся не звать покоя, пока его кара не настигнет повинных в смерти их товарищей. Однако, будучи по натуре далеко не глупым, а скорее даже наоборот, предпочел не упоминать о своем участии в ночном инциденте. О том, что воплощать в жизнь свое обещание не намерен, Варлам тоже решил дипломатично промолчать.

Глава 3 НА БИЛЬЯРДЕ

Скучные вечера на Кунашире каждый проводил по-своему. Кто пил горькую, кто завлекал молодух, ожидавших мужей из моря или командировки, кто сочетал и то и другое, благо жены офицеров в подавляющем своем большинстве в борьбе с зеленым змием могли дать фору даже здоровым мужикам. На этом в принципе развлечения и исчерпывались.

Песчанину ни то, ни другое не нравилось. Он, конечно, имел обыкновение иногда хорошенько выпить, но превращать это в правило ему претило. Женщин любил, но крутить с женами офицеров не хотел, а свободных девиц было раз, два и обчелся, да к тому же они все как одна имели только одну цель — как можно половчее околицевать видного молодого холостяка, а вот это в его планы не вхо-

дило. Нет, он не относил себя к закоренелым холостякам, но полагал, что бросаться в омут, чтобы создать семью, торопиться не стоит. Наблюдая за «счастливыми» семейными парами в городке, которые буквально устраивали соревнования по пышности и ветвистости рогов друг у друга, поневоле станешь циником и будешь отбодряваться от такой перспективы всеми доступными способами. А может, дело было в том, что, несмотря на то что он был способен запасть на время на ту или иную представительницу слабого пола, ни одна так по-настоящему и не задела его души.

В этой ситуации у него оставалось только две отдушины — игра на бильярде и конечно же литература. Вторым он мог заниматься в полном одиночестве. Первое требовало наличия партнера, так как катать шары с самим собой было неинтересно. Однако тут на помощь молодому лейтенанту пришел первый метод времяпрепровождения в городке. Какой же мало-мальски умеющий держать в руках кий мужчина откажется от партии-другой на бильярде, тем более приняв на грудь? Так что практика у Антона была богатая, тем паче что среди гарнизонных игроков попадались вполне приличные «бильярдисты». Почему в кавычках? А разве нужно объяснять? Он еще с училища хорошо играл на бильярде, так что в городке не знал себе равных. Но это не останавливало остальных офицеров, так как иметь выигранную партию на бильярде у Антона — считалось уже признаком мастерства и предметом гордости, вот только таких счастливицков можно было перечесть по пальцам.

Появление нового игрока в «Боцмане» восприняли с энтузиазмом. Едва только Антон выставил шары и предложил игру, как тут же нашелся желающий пощупать лоха. Но попытка оказалась неудачной. За первым появился второй, потом третий. Антон не спешил выказывать всех своих способностей, поэтому позволял себе мазать, но старался делать это так, чтобы у окружающих не сложилось впечатления, что он играет с ними как кот с мышью. Игра шла. В общую кассу капала монета. С кого по пятерке, с кого по червонцу, а с кого и по два. Он уже обыграл пятерых, и никто пока не пытался на него наехать, чтобы объявить нечестным на руку или каталой.

Однако радоваться Антон начал преждевременно, так как, оценив его манеру, а главное — мастерство игры, против него вышел лучший катала из ошивавшихся в «Боцмане». Антон уже успел заметить, что двое из игравших «по маленькой» были не простыми посетителями заведения, которых обычно здесь ошипывали, — они как раз и были этими самыми щипачами. Вот только рыбка оказалась им не по зубам. Однако нет худа без добра, так как их лидер имел возможность оценить игру новичка, появившегося ниоткуда.

Катала был одет куда приличнее своих прихлебал: на нем был темно-синий пиджак явно хорошего сукна, из кармашков красного жилета свисала солидная цепочка, явно не бижутерия, и часы, к ко-

торой они крепились, скорее всего, тоже были весьма недешевыми — не могло быть у него дешевых часов, — темно-синий галстук с редкими белыми горошинками был повязан аккуратно и весьма умелыми руками. Телосложение среднее, а вот лицо имело болезненную худобу, закрученные же усы и бородка клинышком делали его еще более отталкивающим.

Едва тот взял в руки кий, Песчанин тут же безошибочно определил весьма искусственного игрока. С этим играть, выказывая слабость, чтобы завлечь в игру, нечего было и думать, потому что в этих играх он ему был не конкурент. Здесь нужно было играть, выкладываясь по полной, иначе были все шансы остаться ни с чем за один вечер, а их средства и без того были ограниченными. По сути, сейчас Антон рисковал всеми их деньгами на сегодняшний день.

Вновь возвращаться на рынок с наперстками было рискованно: уж слишком они наследили. Причем опасность исходила как от блюстителей закона и порядка, так и от местной братвы. А оно им надо?

— Как играем? — выставляя шары, поинтересовался Антон.

— По сотенной, — лениво пыхнув папироской, произнес катала.

— Ого. А не круто?

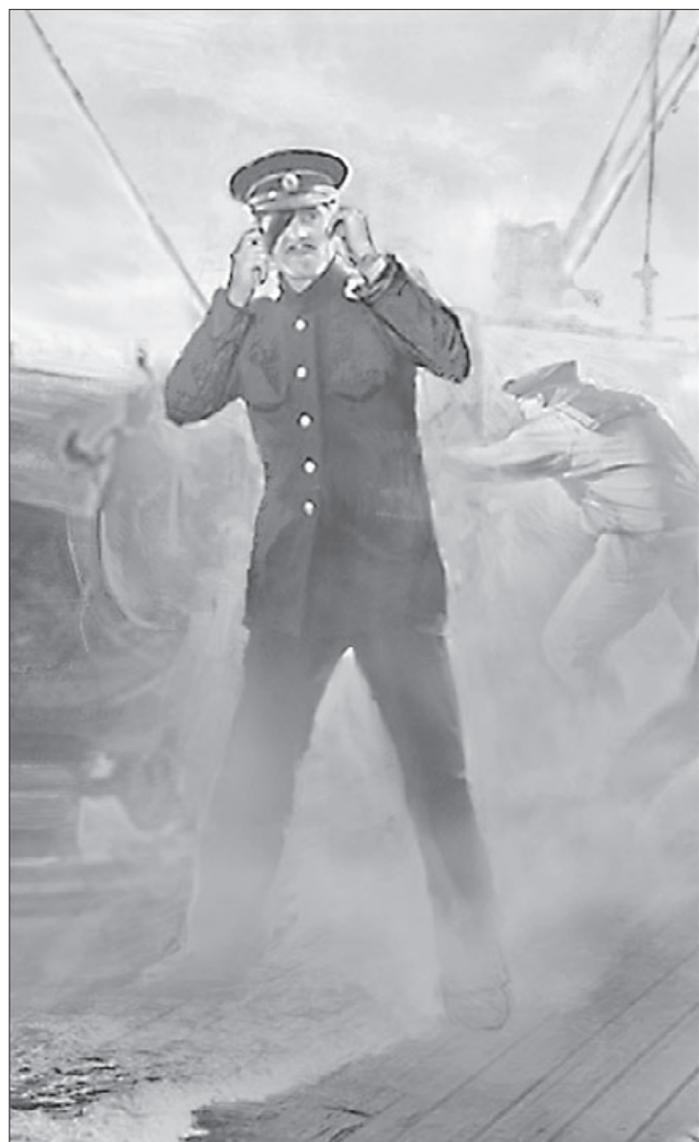
— А чего мелочиться. Играем три партии — и разбегаемся. Выиграешь — получишь сразу и много. Проиграешь — значит, фортуна тебе сегодня не улыбается, — все так же лениво попыхивая папироской, произнес предположительный партнер по игре.

Заманчивое предложение, но опасное. Понятно, что этот катала его вычислил, и скорее всего, с выигрышем ему уйти не дадут. Но с этим худо-бедно разобраться было можно. Только теперь уже без жертв: хватит синяков, ссадин и вывихов — желательно обойтись даже без переломов. Не нужно перебарщивать. Лишнее это.

Но оставался еще и сам вопрос с игрой. Денег на игру у него хватало. А вот мог ли он себе это позволить — это вопрос. В случае проигрыша он терял не только то, что успел выиграть, но еще и свои пятьдесят рублей. Он сюда пришел не время проводить, а именно подзаработать. Антон, как говорится, спинным мозгом чувствовал классного игрока, который может оказаться ему не по зубам. Рисковать же приходилось общими деньгами, за часть которых, между прочим, было заплачено кровью.

Антон задумался, потирая нос. Он украдкой метнул взгляд в угол заведения, где располагались столы, за которыми игроки могли промочить горло или перекусить. В дальнем углу, вовсе не на престижном месте, за кружечкой пива сидел Гаврилов, который увлеченно потрошил вяленую рыбу. Но как ни увлечен был этим процессом гигант, взгляд командира рассмотреть сумел. Оторвав голову у рыбины, Гризли лишь ухмыльнулся уголками губ, давая Антону добро. Два против одного. Большинство голосов принято.

● И пришел с грозой
военной... ●

Глава 1

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

— Разрешите, Сергей Владимирович?

— Да-да, конечно, проходите, Роман Викторович. Что-то случилось?

— Об этом я хотел спросить у вас. Вы сегодня какой-то сам не свой.

— Неужели так заметно? Знаете, Роман Викторович, наверное, сказывается разлука с семьей. Мы с Аней ведь не расставались надолго, да и то если я куда и отлучался, то недалеко — знал, что смогу вернуться быстро, а тут...

Звонарев не обманывал собеседника. Впрочем, тот это прекрасно знал. Так уж сложилось, что в их тройке друзей он никогда не покидал Владивостока, если не считать его поездок по окрестностям.

Однако не озвученная инженеру причина была виной его угнетенного состояния. Сегодня было двадцать шестое января 1904 года. Никто в России, разве только кроме японских шпионов, да и то далеко не всех, не знал о том, что японский императорский флот в настоящий момент движется к Порт-Артуру, чтобы атаковать русскую эскадру, стоящую на внешнем рейде. Никто. Кроме трех человек.

Это случилось летом 1998 года. Да-да, здесь нет никакой ошибки. Летним вечером в одном из владивостокских ресторанчиков Звонарев встретил своего однокашника Песчанина Антона, который был вместе со своим подчиненным и другом Гавриловым Семеном. Вместе они изрядно приняты на грудь, и тогда выяснилось, что Звонарев увлекается паранормальными явлениями. По пьяному делу он рассказал, что на одном из пустырей Владивостока располагается самая что ни на есть аномальная зона. Как известно, пьяному море по колено — вот так они и оказались на том злосчастном пустыре, а в результате непонятого явления умудрились пропутешествовать во времени, вернувшись назад на сто лет.

Так уж сложилось, что друзья решили вмешаться в ход истории и постараться предотвратить поражение России в грядущей русско-японской войне. Звонарев выступил против этой затеи, но, не желая терять друзей, вынужден был согласиться участвовать в этой

авантюре, сразу оговорив то, что будет заниматься только организацией разработок новинок, которые должны будут обеспечить России преимущество.

За эти пять с половиной лет друзьям пришлось совершить многое. Они переступили через убийство, занимались шулерством, стали казнокрадами и фальшивомонетчиками, превратились в промышленников и золотодобытчиков. За этот срок им удалось создать концерн, который превратился в настоящего экономического монстра на Дальнем Востоке, во многом задающего тон местной экономике. Но все это время они неуклонно двигались только в одном направлении: готовились к неминуемой войне. В созданном ими НИИ во Владивостоке были уже готовы многие разработки, и немало уже воплощено в металле. И вот настал этот день.

У Песчанина, лидера их тройки, были опасения, что привнесенные ими в этот мир новшества могут оказать влияние как на состав кораблей, так и на сроки самой войны. Но насколько было известно друзьям, в составе флотов никаких изменений не произошло, мало того — все шло в соответствии с известной им историей. Старушка никак не хотела уступать своих позиций. Благодаря введенному в судостроение пневматическому инструменту на десятки лет раньше удалось значительно ускорить постройку корпусов судов, но так уж вышло, что смежники все же не успевали за этим рывком. Из-за запаздывания с постройкой начинки и вооружения строительство кораблей, по большому счету, осталось на прежнем уровне.

Такая же ситуация была и на угольных шахтах, так как, повысив производительность труда шахтеров за счет отбойных молотков, многие не спешили модернизировать остальное оборудование, а только совокупность модернизации могла повлечь повышение объемов добычи. Те, кто это уже понял и начал модернизацию, неизменно оставались в выигрыше, но таких оказалось не так чтобы и много. Что поделать, большинство из дельцов хотят получать максимум выгоды при минимуме затрат, а скупой, как известно...

Опять же нельзя сказать, что концерну в полной мере удалось удовлетворить спрос на отбойные молотки в их различных модификациях. Нет, их завод работал на полную мощность, в заказах недостатка не было, но удовлетворить весь спрос они не могли просто физически. Неоднократно к ним обращались с просьбами о продаже лицензии на производство, но каждый раз просящие, недоумевающе пожимая плечами, наталкивались на категоричный отказ. Друзья боялись, что чрезмерное производство этого инструмента уже само по себе сможет сказаться на постройке кораблей и начать менять историю. То же, что успевали производить они, было всего лишь каплей в море, тем более что они всячески старались «размазать» производимое ими оборудование тонким слоем по всему миру, не берясь за слишком большие заказы. Относительно крупный заказ был сделан

для Японии, но это если смотреть по ограниченному производству в начале деятельности. Надо заметить, что это была инициатива Звонарева, которая едва не стоила им дружбы. Больше в подобные авантюры Сергей старался не вступать.

Появился новый метод, который также мог значительно ускорить, а главное — облегчить корабли класса миноносцев. Сварные корпуса, которые поначалу в Нижнем выходили несколько неказистыми, наконец обрели достаточное качество и прочность. Но опять-таки не получили большого распространения, а вернее, вообще никакого, так как оказалось, что стоимость такого судна чуть ли не на тридцать процентов выше, нежели клепаного. Что делать, электроды оказались не такими уж и дешевыми ввиду ограниченности сбыта и несовершенства производства. Но в Нижнем Калашников сейчас уже всюду налаживал производство как сварочных аппаратов, так и электродов. Модернизировав благодаря подсказке из владивостокского НИИ свой сварочный аппарат и используя предложенную конструкцию электродов, он увидел большой потенциал этого не такого уж и нового, но остававшегося в стороне метода. Во всяком случае, все его котлы изготавливались именно с применением электросварки.

Здесь опять все сложилось для друзей не очень просто, так как им всякий раз приходилось компенсировать завышенную цену на изготавливаемые сварные корпуса. Конечно, перерасход средств немалый, но не неоправданный. За это время им удалось наработать технологию, подготовить кадры, усовершенствовать сам агрегат, так что положительная динамика имела место, а значит, не все так уж и напрасно.

Вообще-то Звонарев не планировал влезать в дела, связанные непосредственно с происходящими событиями, — его стезей было обеспечение эффективности действий друзей. Но так уж сложилось, что свалившая Песчанина лихорадка еще не до конца выпустила его из своих крепких объятий. Он, конечно, уже был на ногах, но врачи не рекомендовали ему пока перенапрягаться. Памятуя о предстоящих событиях, Антон все же решил себя поберечь и полностью оправиться после болезни. С другой стороны, было бы совсем не товарищески сейчас вырывать его из Владивостока — что ни говори, но все шло к свадьбе, а это дело такое... Жены Звонарева и Гаврилова довели до конца задумку по женитьбе своего любимца. В самом скором времени эта история должна была прийти к логическому завершению.

Гаврилов в настоящий момент вообще находился неизвестно где, убыв на купленной год назад яхте. В ней была произведена кое-какая модернизация, что несомненно указывало на использование ее в качестве диверсионного судна. Оснащение Семена и его людей — это вообще была песня. Оно производилось в течение двух лет, так как в

первый год в различные фирмы Европы и России были представлены чертежи различных частей и механизмов, а уже во Владивостоке производилась сборка, причем в сборке принимали участие только сами провалившиеся во времени и бойцы Семена. Так уж сложилось, но о применении боевых пловцов не должны были знать даже представители русского командования. Это должно было остаться тайной за семью печатями. Песчанин справедливо полагал, что если не удастся предотвратить русско-японскую войну, то не помешало бы нанести весьма ощутимый удар в первые же дни. Так что акций с участием боевых пловцов планировалось не так чтобы много, но удары должны были быть весьма ощутимыми. Где именно Гаврилов должен был нанести свой первый удар, Сергей не знал: ему было известно только то, что Семен будет в Порт-Артуре до середины февраля.

Вот и вышло, что Звонарев сейчас находился не подле своей семьи, а на Квантуне, осуществляя надсмотр за всем тем, что творится в Порт-Артуре. Там, конечно, и Зимов управился бы, да вот только не все можно было доверить Роману Викторовичу: кое-какие действия требовали присутствия кого-либо из провалившихся во времени.

И вот теперь он сидел в своем кабинете на территории завода в Порт-Артуре и предавался мрачным размышлениям о грядущем. Ситуация накалялась день ото дня, японское правительство вело себя с каждым разом все более вызывающе. Сегодня в Порт-Артуре и Дальнем всюю шла погрузка представителей японского населения. Колония прекращала свое существование в одночасье, причем произошло это именно так, как и рассказывал Антон, прекрасно осведомленный о хронологии событий. Казалось бы, должен был сработать «эффект бабочки», то есть в результате действий друзей должны начаться изменения, но если они и произошли, то им об этом не было известно ничего. В Чемульпо так же несли службу стационаров «Варяг» и «Кореец», в Шанхае находился «Маньчжур», «Сивуч» стоял в Инкоу, эскадра располагалась на внешнем рейде, как и в известной истории, не предприняв никаких противоминных мероприятий.

Звонареву стоило больших усилий, чтобы не вмешаться в ход событий. Конечно, кто его будет слушать? Но с другой стороны, заронить сомнения в души командиров, и, чем черт не шутит, может, они в качестве личной инициативы решат выставить противоминные сети, а команды эсминцев будут куда более внимательны? Хотя... Сомнительно это. Вот и оставалось только ждать, стиснув зубы.

Песчанин строго-настрого запретил Сергею вмешиваться в ход событий. Понятно, что, останься жив адмирал Макаров, и история уже бесповоротно вильнет в другую струю, в этом Антон был убежден, а друзья соглашались с ним. Беспокойный адмирал был лично-

стью неординарной и энергичной. За непродолжительный срок своего командования эскадрой он сумел поднять уровень боевой подготовки, так что останься он жив — и старушке-истории пришлось бы ой как непросто.

На складе завода в Порт-Артуре сейчас спокойно лежали два новейших трала, которые должны были появиться только через десять лет. Так называемые параван-охранители. Только их применение должно было во многом свести на нет операции японцев по минированию окрестностей крепости и, скорее всего, сберегло бы подорвавшийся на mine броненосец «Петропавловск», при гибели которого и погиб прославленный адмирал.

Но, воплощая принятое сообща решение, Звонарев вынужден был не задействовать новинку. Вообще много чего должно было быть задействованным только летом. К этому сроку, как считал Песчанин, уже в достаточной мере вскрыются все недостатки как в армии, так и на флоте.

Дело клонилось к закату. Вот уже три дня японский флот перехватывает российские коммерческие суда, чтобы те не подали вестей о выходе в море флота потенциального противника. Именно в этот момент основные силы соединенного флота под командованием адмирала Того уже находятся у острова Роунд, а три дивизиона эсминцев в десять вымпелов уже взяли курс на Порт-Артур. Два дивизиона идут к Дальнему, так как у Того нет абсолютной уверенности в том, что русские корабли находятся именно на рейде крепости. Все это происходит, если своенравная старушка все еще продолжает гнуть свою линию. Осталось недолго — скоро он все это узнает. Господи, как же тяжело — знать и не иметь возможности предотвратить гибель русских моряков. Как много можно было бы сделать, но в то же время поделаться ничем нельзя, потому что он никто и звать его никак.

Звонарев вновь тяжело вздохнул. А может, ну его? Взять Романа Викторовича — и закатиться в ресторан. Устроить, так сказать, пир во время чумы. А почему бы и нет? Раз уж нельзя ничего поделаться, то напиться ему никто не запретит. Вон в морском собрании сейчас стоит такое веселье — как-никак наместник устраивает бал.

Однако эта мысль мелькнула и бесследно пропала. Ну хоть что-то он ведь может сделать! Понятно, что Антон запретил вмешиваться в ход событий и они с ним согласились. Никакого вмешательства до июля: только наблюдение. Но с другой-то стороны, если ему, к примеру, удастся спасти военный транспорт «Маньчжурия», то это не повлечет никаких глобальных изменений, просто у эскадры в Порт-Артуре появятся дополнительный боекомплект, радиостанции и парк аэростатов... Впрочем, четыре воздушных шарика с необходимым оборудованием друзьями были уже подготовлены и хранились на складе. В конце концов, это может пригодиться в последующем.

Там всего-то надо убедить капитана отвернуть к западу и подойти не с юго-востока, а с юго-запада.

Как это сделать? Да просто. Со строительством миноносцев вышел, конечно, затор — кредитов быстро выбить не удалось, опять же с покупками лицензий никто особо не торопился, даже на отбойные молотки: уж очень настораживал тот факт, что их применение не повлекло особых прибылей. Про гироскопас и говорить нечего. Проверка этого устройства была всесторонней, тщательной и заняла не меньше месяца, потом пока государства приняты решения... Так что с закладкой серии вышла задержка. Но в настоящее время на двух кораблях начались ходовые испытания. Правда, чтобы не привлекать особого внимания, все миноносцы были без названий, а имели только порядковые номера — «ноль-два», на всех миноносцах один и тот же, — понятное дело, что на стоянке в акватории завода номера были разные, но, выходя в море, они имели только один. Поэтому всем было известно, что в строй вступал второй из плеяды «росичей», у которого раз за разом выявлялись различные неполадки, а потому нередко он возвращался, едва волочась. Были и те, кто удивлялся такому положению дел: ведь головной сторожевой корабль вполне себе оказался работоспособным, но их заверяли, что это не так и что «Росич» сейчас неисправен и стоит на приколе в Магадане, вмерзнув в лед.

На самом деле все было не так, и оба сторожевика показывали себя с хорошей стороны — не без неполадок, но тут уж обычное дело и ничего критичного. В самое ближайшее время должны были начаться ходовые испытания оставшихся двух, но этим пока придется тыкаться по артурской луже — нечего было и думать, что им позволят выходить в море с началом боевых действий. К сожалению, к началу войны полностью подготовить их не успели. С другой стороны, на заводе уже строились четыре их сестершипа, которые при благоприятном стечении обстоятельств можно было бы ввести в строй уже в июне. Все комплектующие были уже доставлены. Понятное дело, что такая постройка дороговата, ну да по-другому не получалось: Дальний Восток — он и есть дальний, здесь все дорого.

Трудностей с выходом из Артура в общем-то не было. В море сейчас выпускают без проблем — а с какой, собственно говоря, стати не выпустить, ведь не военное положение. Кораблик сейчас только на подогреве, ну да за полчаса всяко-разно пары разведут, команда только одна... Ну здесь понятно: не содержать же здесь полный штат, для обкатки достаточно и одного экипажа. Люди сейчас в общежитии, дисциплина почти как на военном корабле... Да пошло оно все.

Звонарев поднял трубку и резко прокрутил пару раз ручкой — на коммутаторе тут же ответила девушка-телефонист. Использование телефонов оказалось весьма удобным, несмотря на то что нужно

было содержать штат телефонисток и двух ремонтников, поэтому порт-артурский завод также был обеспечен современной связью.

— Оленька, соедините меня с номером два-один. Андрей Андреевич, очень хорошо, что я вас застал дома. — Дом — это несколько преувеличенно, скорее отдельная комната в общежитии, как и у всего руководства завода, — своими домами здесь пока еще не обзавелись. В первую очередь ставились общежития для рабочих и руководства, к строительству же городка только приступили, но сначала жильем должно было обеспечить рабочих. К этой политике концерна руководящее звено отнеслось с пониманием — вот и ютились сейчас пока по комнатам с совмещенными санузлами. Ну да не до жиру. — Который из кораблей сейчас под парами?

— Никакой. Оба на подогреве. Но если есть необходимость, то «ноль-третий» через полчаса будет готов к выходу. — В своей среде миноносцы назывались по реальным номерам, иначе и запутаться недолго.

— Озаботьтесь, Андрей Андреевич.

— А к чему такая спешка, поинтересоваться можно?

— Ничего особенного. Просто ночной выход. Ночь обещает быть темной. Прогуляемся до Элиота, заодно и проверим турбины на разных режимах — «ноль-третий» у нас ведь практически не обкатан. Опять же проверим гироскопас, а то установить установили, но в ночное время так ни разу и не проверили, да и гидрофоны... вроде с ними были какие-то проблемы. Опять же посмотрим, как поведут себя турбины при полной выкладке.

Все это было не лишено смысла, так как по непонятной для Панина причине истинные характеристики сторожевиков содержались в секрете. Полные ходовые испытания проходили либо вне поля зрения других судов, либо ночью. Но с другой стороны, это его не касалось, так как при подписании контракта в нем черным по белому были прописаны пункты о неразглашении коммерческих тайн, и этот контракт им был подписан. С ним от начала и до конца были честны, а раз так, то и ему не след нарушать договор.

— Да, это так.

— Вот и замечательно.

— Я понял, Сергей Владимирович. — Вообще-то он ничего не понял, и это было заметно по его голосу. Ну и пусть его.

— Не понимаю я вашей перемены настроения, Сергей Владимирович. Вот только что были подавлены — и вдруг словно преобразились, стали каким-то возбужденным и целеустремленным, — недоумевая, пожал плечами Зимов, когда Звонарев положил трубку.

— Чего же тут удивительного? Напала хандра, грусть-печаль. Да такое желание напиться, что удержу никакого. А вот выйду в море — и враз полегчает. Я хотя и сугубо сухопутный человек, но море люблю.

— Знаете, у меня сложилось такое впечатление, что вы чего-то ждете этак с нетерпением и в то же время боитесь этого. Вот такое вот двойственное чувство.

— Выбросьте из головы, Роман Викторович. А не хотите ли прогуляться вместе со мной? Встретим рассвет в море — то еще чувство.

— Вы забыли, что я весьма продолжительное время провел в море, пока добирался из Одессы до Владивостока.

— И что? Неужели оно не произвело на вас никакого впечатления?

— Отчего же. Произвело. И эдакое, неизгладимое.

— Ну так как?

— А давайте.

С рейда их выпустили без проблем, хотя и было видно, что эскадра находится в постоянном напряжении. С одной стороны, вроде и маяк не погашен, и на кораблях нет полного затемнения, но вот чувствуется напряжение, и все тут.

Ночь выдалась очень темной — не помогала даже ночная оптика с прямо-таки огромными линзами. «Ноль-третий» шел экономичным ходом в двенадцать узлов, используя только машину: что ни говори, но промышленные турбины для корабля не очень подходили, так как могли работать только в двух режимах. Средний, при котором катер, а в своем кругу друзья называли свои детища только катерами, так как они для них ими по сути и являлись, давал двадцать пять узлов, и полный, когда он буквально взмывал носом над водой, выдавая тридцать пять. Сейчас «ноль-третий» был способен выдать и все тридцать семь, так как был максимально облегчен, лишенный какого-либо вооружения — разве только две спарки пулеметов Горского. Что ни говори, но вооружение так себе, никакое в общем-то вооружение, но и без него никак. В море может случиться что угодно и где угодно. Здесь не Карибское пятнадцатого века, но тоже имеются пираты, так что какое-никакое оружие иметь надо бы, а двух пулеметов для местных флибустьеров — за глаза.

— Сергей Владимирович, мы уже полчаса идем экономическим ходом, прикажете увеличить ход?

Звонарев и Зимов находились на ходовом мостике. Хотя что тут делать? Вокруг тьма египетская — хоть глаз выколи. Ан нет, торчит на ходовом мостике и еще и инженера, своего первейшего сподвижника, приволок.

— Андрей Андреевич, прикажите застопорить ход. Приступаем к отработке поиска кораблей вероятного противника в данном квадрате.

Ага, кое-что начинает проясняться. Стало быть, это не просто выход с целью проверки состояния механизмов, а полноценный учебный поход. Господи, сколько уже мазута сожгли на этих выходах, это

же просто жуть. Но, как видно, эти учредители концерна что-то знают, раз уж им не жаль выбрасывать в трубу свои деньги.

Панин знал, что, несмотря на то что эти кораблики заявлены как малые сторожевые корабли для промысловой стражи, по сути они являлись самыми настоящими миноносцами, да еще и какими. Он не был военным моряком — как говорится, происхождением не вышел, а потому служил на гражданских судах, — но составить себе представление, на что способны эти — да какие там сторожевики, самые натуральные миноносцы, — имел. Скорость, маневренность, мощное вооружение. Две семидесятипятимиллиметровые пушки вполне позволяли выступать на равных с миноносцами противника, новый затвор позволял выдавать просто немыслимую скорострельность в сравнении со старым — успевай только снаряды подносить, что вполне компенсировало малое количество артиллерии. Четыре минных аппарата давали возможность вести залповую стрельбу, увеличивая шансы на поражение цели. Недостатком было то, что они могли выстреливаться только строго по курсу, но скорость и маневренность вполне это компенсировали. Известные ему самые быстроходные эсминцы были в состоянии выдавать едва тридцать узлов, когда этот при полной загрузке мог дать все тридцать пять, причем не номинально, а вполне реально. Нет, с «ноль-третьим» пока не все было понятно, но «ноль-второй» вполне способен на это, и в этом он убедился лично.

Сейчас на сторожевиках не было установлено вооружения. Как пояснил Сергей Владимирович, они хотели сначала довести корабли до ума, так как головной выказал весьма своенравный характер и, хотя уже был принят Приамурским департаментом государственных имуществ, в настоящее время стоит неисправным, вмерзшим во льды Охотского моря. Нет, этот департамент не мог себе позволить закупить этакий корабль: максимум, на что они могли замахнуться, — это уж совсем малые катера водоизмещением до семидесяти тонн и уж точно без артиллерийского вооружения. Но тут проявил себя концерн, вдруг решивший внести добровольное пожертвование в виде малого сторожевого корабля. Кто же откажется от дармовщинки! Вот и получили чиновники свой сторожевик. Понятно, что учредители концерна пеклись о своей выгоде, — что ни говори, но их рыбная отрасль росла год от года, и конкуренты в виде браконьеров, хоть японских, хоть американских, им были ни к чему, но кто будет содержать такое количество экипажей? Ведь пять кораблей, по сути, были уже готовы, на верфи полным ходом шло строительство еще четырех. Да только кто же закупит их у концерна, если только один обходится больше чем в триста тысяч? Департаменту и одного не потянуть. Опять же предусмотрена возможность для установки минных аппаратов. Скорее всего, учитывалась возможность использования их в качестве миноносцев на случай войны. Но все едино как-то

не срасталось. А эта секретность по поводу ввода в строй? Ведь скрывают от всех. Всем всячески показывают, насколько несовершенны машинно-котельные установки, но на деле это не так. Панин очень сомневался, что вооруженный сейчас артиллерией головной «Росич» стоит на приколе из-за поломок. Нет, то, что он вмерз во льды, Панин допускал, но наличие фатальных поломок... Не верил он в это, потому как не в первый раз выводит в море уже второй его систершип.

С другой стороны, назвать учредителей концерна дураками у него не поворачивался язык. Дураки не ворочают такими деньгами. А потом, их дурость в его понимании заключалась только в этом непонятном проекте со сторожевыми кораблями, которых по такой цене у них никто и никогда не купит. Было еще много чего непонятного — эта повальная секретность. Он уже больше года как подписал контракт, но и понятия не имел, что происходит в областях, не касающихся его служебных обязанностей. Да и пропади все пропадом. В конце концов, зачем забивать себе голову — сами разберутся, а его дело маленькое.

Приказ Звонаревым отдан. Вот же сподобился — на палубе корабля, где он царь и бог, ему отдают приказы. Нет, судовладельцам на палубе не место — прав был его наставник, высказавший эту мысль в те времена, когда он мирно ходил на торговце, тысячу раз прав. Но никуда не денешься. Значит, будем отрабатывать этот квадрат.

Еще одно нововведение этих умников из концерна. Все Желтое море было детально картографировано. Нет, ну куда им девать деньги! Мало того — было разбито на квадраты. Очень удобно. А если речь идет о военных морях... Эту их прихоть назвать глупой он никак не мог. Вот только опять все в секрете. Да сколько же секретов у них?

Панин взял телефон прямой связи с машинным отделением. Вот так вот: этот кораблик был напичкан телефонами, как булка изюмом. Но удобно. Вот ей-ей, удобно. Хотя и дорого. Да что же это, дались ему эти деньги — ведь не его же!

— Машина, стоп. — Другой телефон: — Акустик, начать отработку района. Доклад обо всех обнаруженных судах и кораблях.

Вот аппарат так аппарат — до пяти миль способен улавливать шумы винтов, мало того: с его помощью можно определить тип цели, направление и примерное расстояние. Понятно, что так можно определять местоположение браконьеров, вот только большинство из них ходят под парусом на шхунах. Так. Стоп. Хватит.

— Есть. — Это акустик.

Ждем доклада, продвигаемся на другой участок и повторяем.

Вот и ладно. Если обнаружится судно... Хотя кой черт тут обнаружится — не видно никаких ходовых огней, гидрофоны только на

пять миль работают, а при работающих машинах и вовсе глохнут. Ну да не суть. Если обнаружится судно, то воспоследует учебная минная атака. После условной атаки корабль отвернет в сторону или пройдет под кормой. Если их обнаружат, то вахта на судне обматерит их последними словами, в смысле световым семафором по международному коду — стало быть, атака неудачная, — если нет, то все в порядке. Военные корабли они также обнаруживали, но даже не пытались к ним приближаться. Бог весть что там этим морячкам покажется, еще саданут из орудий, а оно им надо?

Зазуммерил телефон акустика:

— Мостик.

— Господин капитан, по пеленгу сто двадцать пять обнаружена цель. Цель групповая, однотипная. Предполагаю миноносцы. Дистанция средняя.

— Пеленг сто двадцать пять, цель групповая, однотипная, предположительно миноносцы, дистанция средняя. Принял.

Дальняя дистанция предполагает расстояние от пяти до трех миль, средняя — от трех до мили, малая — ну это понятно. Панин вооружается другим телефоном и связывается с сигнальщиком, который осматривает горизонт в ночную оптику.

— Сигнальщик, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели.

— Есть, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели. — И через несколько секунд: — Господин капитан, цель не обнаружена.

— Принял.

— Что там, Андрей Андреевич?

— Непонятно, Сергей Владимирович. Акустик докладывает об обнаружении группы кораблей, предположительно миноносцев, но те, как видно, идут без ходовых огней, визуально обнаружить не удалось. Что все это значит, черт возьми? — Вопрос риторический, так как получить ответа он не рассчитывает.

— Не поминайте на ночь глядя, — автоматически проговорил Звонарев. С чего бы это? Вроде никогда суеверным не был. А тут поди ж ты... Да станешь тут суеверным, вон страх как сковал все нутро — аж дышать трудно стало. Значит, все же началось. Спокойно. — Андрей Андреевич, разворачиваемся и уходим к Артуру. Только, думаю, не стоит приближаться, держитесь в стороне.

— Вы думаете...

— Все возможно.

— Нам следует...

— Вот только давайте не будем изображать из себя героев, — оборвал Сергей капитана на полуслове. — Есть флот — это их работа. А потом, кто знает, что там на самом деле происходит. Может, это наши миноносцы. Но в любом случае ночью я к ним приближаться не намерен. Выходите на траверз Артура эдак милях в десяти.

— Есть.

Нет, Сергей не был трусом: не хотел участвовать в авантюре, которая, на его взгляд, была не только опасна, но еще и бесполезна, это да. Сказать, что он боялся? Понятно, что ничего не боятся только умалишенные, но не страх стоял во главе его решения. Он всегда был слаб физически, но никто и никогда не причислял его к трусливому десятку. Вот и сейчас ему было страшно, но не это заставило его принять такое решение. Во-первых, история действительно могла пойти по иному сценарию, и уж как минимум могла измениться дата начала войны, а следовательно, это могли оказаться русские миноносцы — что ни говори, но служба-то неслась. Во-вторых, «ноль-третий» был лишен вооружения — на борту имелись только два спаренных пулемета, разработанных специально для этих кораблей, а потому встреча с противником была чревата, а потом, всегда существовала опасность, что их примут за этого самого противника, — а кому хочется оказаться под обстрелом?

Выйдя на траверз Порт-Артура, они вновь легли в дрейф. Акустик раз за разом прослушивал толщу воды, но гидрофоны ничего не фиксировали, вернее, были какие-то шумы, но определить, естественное у них происхождение или искусственное, было просто нереально: не тот уровень технологии.

Ближе к полуночи со стороны Порт-Артура донеслась канонада, сопровождаемая всполохами орудийных выстрелов. Канонада нарастала с каждым мгновением, наконец в эту какофонию добавились звуки орудий береговых батарей, и на обрывистом берегу, неразличимом с той точки, где стоял «ноль-третий», появились всполохи залпов. Канонада длилась примерно полчаса, то затухая, то возобновляясь, а затем наступила тишина.

— И что это все значит? — Зимов выглядел потрясенным, впрочем, как и присутствующие здесь капитан и штурман.

— А это война, господа. — Сергей и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал его голос.

— Как так может быть? Ведь не было объявления войны! Так не происходит, ведь не в Средние века живем, — усомнился Роман Викторович дрожащим голосом.

— Как видите, происходит. Похоже, что обнаруженные нами миноносцы были японскими.

— А может, вы ошибаетесь? — Это уже Панин. Понятно. Трудно поверить, что вот еще меньше часа назад был мир — и вдруг в одно мгновение все встало с ног на голову.

— Разумеется, я ошибаюсь, а эта артиллерийская стрельба была просто праздничным салютом в честь дня Марии. Наместник перетанцевал на балу и решил: гулять так гулять. Стессель, чтобы угодить его квантунскому высочеству, приказал выдать несколько залпов береговой батарее, — зло бросил Звонарев.

— Что будем делать дальше? — Несмотря на взвинченное состояние Звонарева, Панин оставался совершенно спокойным. Да, у него были сомнения насчет начавшейся войны, но на его выдержке это никак не сказалось.

— Андрей Андреевич, думаю, нам не следует сейчас приближаться к порту, да и в Дальнем нам делать нечего: если это война, а это, скорее всего, именно так, то там наверняка появятся японские корабли. Давайте отойдем к юго-востоку.

Из головы Звонарева все же не шел транспорт «Маньчжурия»: очень уж хотелось, чтобы те запасы, что были на его борту, добрались по назначению. Как ни крути, а это и продовольствие, и боеприпасы, и опять же парк аэростатов — все это не помешало бы при обороне крепости, а как видно, осады не избежать. Ведь даже Макаров, несмотря на его способности, а может и благодаря им, не исключал возможности осады и уже с прибытием стал заострять внимание на устройстве линии обороны на Цзиньчжоуском перешейке.

«Ноль-третий», выписывая зигзаги поиска, то ложился в дрейф, ощупывая гидрофоном толщу воды, то вновь приходил в движение, менял позицию — и все повторялось вновь. Если в Охотском море, довольно редко посещаемом судами, Песчанин в основном занимался боевой подготовкой, то здесь, в Желтом, основной упор делался на совершенствование навыков пользования именно гидрофонами — отрабатывались и систематизировались приемы поиска судов и кораблей, благо и тех и других в этой акватории хватало. Все это тщательно фиксировалось и сводилось в наставления по использованию. Одним словом, изделие планомерно готовили к широкому применению, поэтому здесь и находился один из создателей аппарата — второй, от греха, оставили во Владивостоке: не дело складывать все яйца в одну корзину.

— Есть контакт. Пеленг пятьдесят три. Множественные шумы винтов, предполагаю гражданские суда. Большая дальность, — проследовал доклад акустика, когда на востоке уж появилась начавшая сереть полоса. Множественные шумы — это дело такое: может, два, а может, и больше. Несовершенство оборудования и только нарабатываемый опыт не позволяли пока шагнуть вперед. Шаг будет сделан, но только позже — с появлением этого самого опыта, за который, возможно, придется заплатить дорогую цену, и кровью в том числе.

— Пеленг пятьдесят три, групповая цель, предположительно гражданские суда, большая дальность. Принял. — Панин положил трубку — и тут же звонок сигнальщику: — Пеленг пятьдесят три.

И через несколько секунд:

— Принял. Сергей Владимирович, обнаружены два парохода, по контурам похожи на гражданские суда.

— Курс на сближение. Если наши, нужно предупредить.

— Есть.

Как и надеялся Звонарев, одним из пароходов оказался военный транспорт «Маньчжурия». Долго размышлять над тем, что предпринять, он не стал. В конце концов, он во многом именно по этой причине оказался здесь. «Ноль-третий» сблизился с пароходом и пошел с ним параллельным курсом, почти вплотную, так что можно было говорить при помощи мегафона. Конечно, медная труба все одно заставляла напрягать голосовые связки — все же до изделий даже середины двадцатого века ему было далеко.

— Что вам угодно? — прозвучало с высокого борта парохода.

— С кем говорю? — прокричал в ответ Звонарев.

— Капитан парохода «Маньчжурия» Миронов!

— Срочно отворачивайте к западу и подходите к Артуру по большому кругу! Сегодня ночью японские миноносцы атакуют нашу эскадру на внешнем рейде и удалились куда-то в этом направлении, возможно, возвращались к главным силам! Если продолжите двигаться прежним курсом, то велика вероятность того, что повстречаетесь с японцами!

— Неплохо бы для начала представиться!

— Владелец этого судна, Звонарев Сергей Владимирович!

На лице Панина появилось кислое выражение. Оно конечно, вооружение отсутствует, но какое же это судно. Да что с них возьмешь — делец он и есть делец, никакого пиетета к военному кораблю.

— Насколько достоверна эта информация?

— Мы сами наблюдали бой на внешнем рейде, но приближаться не стали!

— Может, вам показалось?!

— Разумеется, показалось, и мы наблюдали салют в честь дня Марии! Вы можете меня послушать, а можете наплевать на мои слова, но только имейте в виду: если пароход попадет в руки японцев, я молчать не буду и сообщу, что предупреждал вас! А теперь решение за вами!

Кто бы сомневался в решении капитана «Маньчжурии», к тому же, кроме незначительного перерасхода угля и потери пары часов в пути, ему это ничем не грозило. Второе судно, от греха подальше, проследовало за ним. Звонарев ощутил небывалый душевный подъем. Вот он каков: всего лишь один выход в море — и столь драгоценный для крепости груз спасен. Понятно, это не может являться определяющим, но уж и не так маловажно.

Однако долго радоваться ему не пришлось. Кто бы сомневался, что старуха не захочет влиять задом. Вот положено «Маньчжурии» оказаться призом японцев — и не замай. Уже давно рассвело, когда на горизонте появился дым. Ничего особенного, просто одинокий дым, который становился все отчетливее. Вскоре уже было понятно, что это одинокое судно, но еще чуть погодя благостное настроение словно ветром сдуло. Когда корабль принял хоть какие-то очертания

ния, стало понятно, что это миноносец. Он слегка рыскал по курсу, имел ход не более десяти узлов, но это был военный корабль, и если поврежденный миноносец движется не к Артуру, а от него, то это могло означать только одно: флаг на нем развевался далеко не Андреевский. Мелькнула была надежда, что побитый японец не сможет преследовать транспорты, развившие полный ход, но надежда мелькнула и тут же погасла. Как ни избит оказался корабль, но развить достаточный ход, чтобы нагнать беглецов, он сумел. С японца просемафорили застопорить ход, по курсу ударил снаряд, подняв небольшой водяной столб, демонстрируя тем самым серьезность намерений. Ну что ты поделаешь! Что такое «не везет» и как с ним бороться. Корабли поспешили разделиться, не снижая хода, японец увязался за «Маньчжурией» — и Миронову пришлось-таки застопорить ход.

Все это время «ноль-третий» двигался, прикрывшись бортом «Маньчжурии», и о происходящем Звонарева информировал с его борта помощник капитана. Застопорил ход транспорт — застопорил и «ноль-третий», все еще не высовываясь из-за массивного корпуса. Объяснить, почему он действовал именно так, Сергей не мог и на все недоумевающие взгляды отвечал привычным, словно обиженный ребенок. Вот только что все было в полном порядке, все шло как по нотам. Дивизион крейсеров Дэвы остался с носом — конечно, они и не знали, что должны были заполучить богатый приз, но он-то знал. Откуда взялся этот миноносец? Его не должно было быть здесь. Ведь после атаки оба дивизиона должны были уйти в Чемульпо, а русские были уже гораздо западнее их предполагаемого маршрута. Да, атака вышла разрозненной, да, последние два миноносца проводили свою атаку уже в одиночестве, отстав от своего отряда, но маршрут отхода им был прекрасно известен. Да и времени уже прошло преизрядно, даже поврежденный «Оборо» должен был уже проковылять мимо этого места, и значительно восточнее. Так какого черта!

Нужно было уходить. Прикрывшись корпусом парохода, они вполне могли уйти за пределы огня японцев. Ну не вступать же в самом-то деле в единоборство с противником, имея на борту из вооружения только два пулемета и два маузера, которые были у Фролова и Васюкова: эти с оружием не расставались, разве только когда выходили в город, да и то под пиджаками неизменно носили по нагану. Что поделать, после восстания «боксеров» у них появилась какая-то фобия. Для чего он взял их с собой в этот раз, Сергей даже и не знал. Узнали о выходе в море, попросились, а что отказывать — парням и так скучно, хоть развеются.

Вот же зараза. Ну нет, старая, не все так просто. На-кася, выкуси. Да, Звонарев хотел отсидеться в стороне, но вот что-то свербело внутри. Песчанин бился за своих погибших в прежней истории родных и за всех тех, кого погубит буря под названием Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция. Гаврилов — за то, что из великой державы господа демократы превратили Россию в... В не пойми что и сбоку бантик. А ему-то за что биться? А за Родину. И пусть сейчас она не права, пусть война эта с ее стороны несправедливая и захватническая — от этого она не перестает быть его Родиной, а ее, как известно, не выбирают — ее либо любят, либо предают, и третьего не дано.

— Фролов! — окликнул он мужчину, стоящего на палубе и тихо разговаривающего с Васюковым.

— Я, Сергей Владимирович.

— Поднимись-ка на мостик.

— Вы что-то задумали, Сергей Владимирович?

— Ничего особенного, Андрей Андреевич. Ничего особенного.

Все было неправильно. С самого начала все пошло наперекосяк. Сначала крейсер налетел на эсминец «Акебоно», который выбыл из строя и был взят на буксир. А уж с того момента, как в ночи появились огни маяка на Лаотяшане, точно все пошло как угодно, только не согласно разработанному плану. Два дивизиона эсминцев шли к Порт-Артуру двумя кильватерными колоннами. В это время вдали в небо взметнулся луч прожектора. Что это, гадать не приходилось: просто так в абсолютной черноте моря свет прожектора не появится. Наверняка русские миноносцы, идущие без ходовых огней: ни к чему они им при несении охранной службы. Японские моряки отреагировали на это мгновенно, погасив кормовые огни и отвернув в сторону, — вот тут-то это и произошло. Его корабль налетел на идущий впереди флагманский «Икадзучи» — проклятый сигнальщик с его «кошачьим зрением»! Флагман их дивизиона не пострадал, а вот у «Оборо» был поврежден форштевень. Ход упал до восьми узлов — больше давать было просто нельзя: вода захлестывала в пробоину.

Лейтенант Такемура слышал, как его товарищи навалились на русских, он слышал взрывы торпед, выстрелы русской артиллерии, по внешнему рейду замечались огни прожекторов. Наконец канонада начала затихать — и тут вспыхнула с новой силой: еще один отряд достиг цели и начал свою атаку. Такемура услышал еще один взрыв мины: проклятье, опять кому-то повезло. Нет, не проклятье, «БАН-ЗАЙ!!!». Вот только мало было этих взрывов — он насчитал только три. Плохо. Он мог отвернуть и уйти, никто его не обвинил бы в неисполнении долга: как атаковать противника, если лишился основного своего преимущества — скорости? Но командир «Оборо» и не думал отворачивать. Атака будет завершена, даже если ему суждено погибнуть. Разве не в этом долг моряка, офицера и, самое главное, самурая? Этот дух в нем не умрет до самого последнего вздоха. Вперед!

Затихшая было канонада разгорелась с новой силой. Вероятно, кто-то из его товарищей отстал и самостоятельно атаковал русских. Молодец, истинный самурай никогда не отступает. Он, Такемуро, ничем не уступит этому храбрецу.

«Оборо» наконец достиг внешнего рейда Артура и атаковал русский крейсер «Баян». Не повезло: мина прошла мимо. Но видит богиня Аматерасу, он сделал все, что мог. Теперь оставалось только уходить в Чемульпо, а по пути хоть как-то отремонтироваться. Уже на отходе в миноносец попал русский снаряд, ранив самого Такемуро и матроса-рулевого. Но это ничего. Раны — они приличествуют настоящему воину и самураю, а вот то, что разбило компас, — это уже хуже. При столкновении один из компасов уже был поврежден, и вот новая напасть. Можно бы остаться в виду берега, а потом как-нибудь сориентироваться, но нельзя: война уже началась, а остаться в русских водах — обречь эсминец и экипаж на гибель. Остается только выйти в открытое море и днем, сориентировавшись по дымам, либо выйти на свою эскадру, либо пристроиться к какому-нибудь судну.

Но, как видно, Аматерасу решила вознаградить его за крепкий самурайский дух, благодаря которому, несмотря на потерянный ход и повреждения, он все же провел атаку русских кораблей. Мина не достигла цели — и вот, вознаграждая его, она посылает сразу два русских парохода. Приказ остановиться, выстрел по курсу.

Они пытаются уйти, разделившись и выжимая все, на что способны их машины. За двумя зайцами не угнаться — нужно выбирать. Понятное дело, что он выбрал больший из транспортов, а про то, что это военные транспорты, он уже знает, едва ему удается разобрать название и свериться со справочником. Пробоину худо-бедно с расцветом заделали, так что, хотя это и опасно, но «Оборо» увеличивает ход — и капитан транспорта, поняв, что ему не уйти, стопорит ход. Давно бы так. Жаль, что второй транспорт уходит, но, как говорится, нельзя получить все и сразу. «Оборо» приблизился практически вплотную к транспорту и лег в дрейф.

— Лег в дрейф, дистанция около четверти кабельтова, встал параллельно нам, орудия изготовлены к бою и наведены на нас. Спускают ял.

— Благодарю. Помните, Петр Федорович: как только мы обогнем ваш форштевень — сразу даете полный ход, о нас не думайте. С Богом. — Сергей убрал рупор: больше он ему не понадобится, а Миرون мужик вроде с понятием, не подведет. Самим бы не опростоволоситься. — Фролов, Васюков?

— Готовы, Сергей Владимирович. — Оба бойца, а кто же еще-то, замерли у пулеметов, установленных на турелях, сосредоточенные,

но ни страха, ни волнения: боевой опыт — это дело такое... Вон и голос Николая звучит ровно, словно на учениях.

— Роман Викторович?

— Не волнуйтесь, мы не подведем.

Зимов замер у лееров правого борта вместе с шестью матросами. Четверо по двое удерживают сюрреалистическую конструкцию — эдакий самодельный огнемет. Напор разогретого мазута и воздуха должен быть изрядным, поэтому каждый шланг должны удерживать по два человека в рукавицах. Сам огнемет — вообще песня. Багор, к которому наскоро прикрутили концы шлангов подачи мазута и воздуха, на конце приспособление для продувки форсунок — вот, собственно, и все. Поджечь струю должны будут еще два матроса — по одному на каждый огнемет, — у них в руках «машки», эдакие морские швабры, изготовленные из распущенных пеньковых канатов, они сейчас смочены топливом от катерного двигателя и вполне себе весело полыхают, ожидая момента, когда их используют. Все с бледными лицами, но вид решительный. Как говорится, на войне как на войне.

— Андрей Андреевич?

— Чего уж там. — Панин нервным движением погасил папиросу. — Поехали. — И в телефонную трубку: — Машина, самый полный. Пошли, славяне! — Это уже в полный голос, и не поймешь, кого подбадривает — себя или команду.

Вода за кормой вспенилась, словно в кипящем котле. «Ноль-третий» дернулся, а затем начал плавно набирать ход. Проклятье, корпус «Маньчжурии» не такой уж и большой, особо не разогнаться, ну да за неимением гербовой... Звонарев бросает взгляд на трубы. Дым есть — жидкий, но есть, с другой стороны, на фоне транспорта с его черными клубами — так себе дымок, не разглядят его японцы, мачта завалена, так что об их существовании они даже не догадываются. Боже, неужели это делает он?! Звонарев вцепился правой рукой в ребристую рукоять маузера, позаимствованного у Васюкова. Бой предстоит накоротке, так что лишним всяко-разно не будет. Кобура уже пристегнута: из этой дуры просто так и не стрельнешь, так сподручнее. Второй маузер на всякий случай свисает с плеча Панина. Случись что, им предстоит помогать пулеметчикам отсюда, с ходового мостика.

Как и предполагали, набрать большой скорости не удалось, но тем не менее, когда огибали высокий нос парохода, все же они на его фоне как-то не смотрелись — эдакие Штепсель и Тарапунька, если не сказать больше. Получился изрядный крен на правый борт, и Звонарев даже бросил обеспокоенный взгляд на Зимова: все же Роман Викторович не моряк, — но ничего, вцепился в леера так, что костяшки побелели, но за борт вываливаться даже не думает. Взгляд на пулеметчиков — тоже люди сугубо сухопутные. Туристы, блин. Лиц

не видно, но по позам видно, что если и бурлит в них адреналин, то дрожь ни в ногах, ни в руках. Ну да кто бы сомневался.

Японцы заметили катер. В первые мгновения опешили. Но пришли в себя весьма быстро. Носовое орудие пришло в движение, матросы спешно его перенацеливают, безошибочно определив опасность, исходящую от невесть откуда взявшегося кораблика. А не хрен лениться! Надо было сделать кружок вокруг приза — тогда и в штаны делать не пришлось бы, — а теперь поздно пить «боржоми», коли почки отказали.

— Не так быстро, уклунки! Филя, бей по ходовому мостику, потом от кормы к середине. Наше вам с кисточкой!

Пулемет Фролова выпустил длинную, злую очередь. Расстояние так себе, не больше полутора сотен шагов, так что свинцовый рой злобных ос влетает точно в группу у носового орудия, отдаваясь дробным звуком при попадании в щит. Прислуга не успела его довернуть, как была буквально скошена, наводчик и заряжающий попытались укрыться за щитом и всадить-таки снаряд в неизвестно откуда появившегося противника, но только расстояние так себе, а потому пули прошивают легкий щит и достают укрывшихся за ним. Хороший все же пулемет разработал Горский. Разобравшись с орудийным расчетом, Фролов переносит огонь на группу, суеятящуюся у яла. От деревянного суденышка полетели щепки, люди падают на палубу, двое свалились за борт. Кто убит или ранен, а кто попадал от страха, не разберешь, но Николай ведет огонь уверенно, не суеятся, так что, возможно, тех, кого он не задел, не так чтобы и много.

Пулемет Васюкова столь же уверенно и остервенело сечет пулями ходовой мостик, тут же обезлюдевший. Даже с такого расстояния, несмотря на дробный перестук пулеметов, слышно, как пули зло, с глухим звоном бьют о металл. Вот частично появляется правый борт миноносца, видна прислуга, суеятящаяся у орудий: быстро сориентировались, еще немного — и орудия заговорят. Калибр так себе, но им и этого за глаза: с такого расстояния не промажут. Не судьба. Васюков переносит огонь на них — и моряки пачками валяются на палубу и вываливаются прямо в море.

Обстрел в упор из двух пулеметов буквально не дает японцам поднять голов. На палубе никого, да и кто бы шевелился — тех раненых, кто подавал признаки жизни, пулеметчики без капли сомнений или сожалений попросту добили. Никогда не оставляй за спиной недобитого противника — эту науку они запомнили раз и навсегда.

«Ноль-третий» встал борт о борт с японцем, расстояние — несколько метров. Молодец все же Панин: настоящий наездник для их скакунов. Иероглифов Сергей не знает, но, судя по повреждениям форштевня и тому, что ему известно из прошлой истории, это «Оборо». Насколько он знал из рассказов Антона, этот эсминец в числе погибших не числился. Что же, возможно, и уйдет, но не так просто.

Его необходимо вывести из строя на как можно более долгий срок — иначе «Маньчжурии» не уйти, да и им, грешным, может достаться. Пока, слава богу, в них не произвели ни одного выстрела — не то что из орудия, но и из пистолета.

— Роман Викторович, начали!!!

Зимов кивает, быстро отирает выступивший на лице пот и подает команду матросам:

— Николай!!! — Это уже Фролову — говорить, что именно требуется, нет необходимости. И так понятно: чтобы никто из команды японца и носа не высунул. Но Сергею так спокойнее.

— Порядок, командир! — О как! Когда это он успел для них стать командиром? До сего момента такого обращения заслуживал только Гризли — даже Песчанина именовали не иначе как Антоном Сергеевичем. Растем, однако.

Вентили открыты, и из огнемета вырывается подогретый паром мазут, смешанный с воздухом, толкаемая насосом и компрессором распыленная смесь орошает надстройки, ходовой мостик, палубу, заливая все маслянистой пленкой, протекая вовнутрь через открытые люки и двери, обильно орошая тела и еще живых людей, прячущихся за надстройками по левому борту. Но это продолжается недолго, так как поднесенные к импровизированному соплам огнеметов факелы поджигают горячий мазут, — и вот на японцев льется уже не мазут, а две огненные струи. Подоженный и распыленный мазут не успевает сгорать до конца, падает на палубу и продолжает польхаться там, заодно поджигая и тот, что был пролит раньше. На миноносце слышатся вопли ужаса, те, кто нашел прикрытие от пуль за надстройками, не могут спастись от попадающего практически повсюду горящего мазута.

По палубе мечутся горящие моряки, вот поднялось два живых факела на мостике и, источая ужасающий крик, прыгают за борт, остальные, стараясь спастись или просто бездумно мечась, следуют их примеру, двое ослепленных нестерпимой болью мечутся по палубе, уже не отдавая себе отчета. Две злые и короткие пулеметные очереди прекращают их мучения. Матросы «ноль-третьего» едва не дают слабины от представшей страшной картины. Но злой окрик Звонарева все же останавливает их. Сам Звонарев держится на одной только злости — на самого себя. Это он виновник произошедшего, это его приказ сейчас выполняют моряки, но отступать он не намерен. Потом он напьется вусмерть, но это потом, а сейчас он просто не имеет права остановиться.

Сколько удалось вылить мазута на «Оборо», Сергей сказать затруднялся, но, наверное, никак не меньше тонны. Миноносец уже весь объят пламенем, в небо поднимается огромный черный столб дыма. Все, хватит. Такой пожар можно потушить, только полностью окупнув корабль в море.

— Роман Викторович, достаточно!

Панин уже у штурвала — бледный как полотно, но держится молодцом. Кивок рулевому, на время отстраненному и сейчас держащему в руках телефонную трубку. Бледные губы нехотя размыкаются — и хриплый голос выдает едва ли не на истерической ноте:

— Машина, самый полный!

Опять закипает вода за кормой — и «ноль-третий» начинает движение. Сначала движется параллельно обреченному кораблю, потом, понемногу набирая ход, начинает отворачивать в сторону.

Они успели отойти от противника на расстояние чуть больше кабельтова, когда в носовой части «Оборо» выметнулся огонь и обломки корпуса. Не иначе раздосадованная старуха поспособствовала, чтобы огонь добрался до складированных в носовой части боевых частей торпед. А может, это рванули трехдюймовые снаряды. А чего вы от нее хотели? Она сбила его с курса, вывела точно на транспорт и практически безоружный русский сторожевик, чтобы даже в такой малости история не претерпела изменений, а его команда не смогла придумать ничего лучше, как не просто дать вырваться транспорту, но еще и позволить покуражиться над собой. Стоит ли удивляться, что старуха осерчала?

«Оборо» все еще был объят пламенем, когда его корма задралась вверх, обнажая винты, и миноносец словно нырнул в бездну. Только значительно позже стало известно, что никто из экипажа эсминца так и не был обнаружен. Ну да не они начали первыми, а в том, что отдачей зашибло, ни Звонарев, ни его спутники не виноваты. Только вот отпоить бы сейчас команду: на людей страшно смотреть.

Есть те, кто утверждает, что первые выстрелы в русско-японской войне были произведены канонерской лодкой «Кореец» на рейде Чемульпо, который двадцать шестого января пытался покинуть порт, но дорогу ему заступили. Японцы утверждают, что в ответ на их действия, направленные на то, чтобы принудить русский корабль вернуться в порт, он ответил двумя орудийными выстрелами из тридцатисемимиллиметровой револьверной пушки, повредив при этом машину «Тсубаме». Правда, при этом они напрочь забывают упомянуть о трех торпедах, выпущенных перед этим в «Корейца», которые просто прошли мимо.

Другие говорят о том, что первые выстрелы были произведены на внешнем рейде Порт-Артура, по атакующим японским миноносцам. Правда, тут уж не стесняются отдать пальму первенства все же японцам, указывая на то, что русские ответили на выпущенные в них торпеды, причем уже после того, как две из них повредили «Ретвизиана» и «Цесаревича».

Ни с одним из этих утверждений Гаврилов спорить не собирался. Он просто знал. Знал, что пальма первенства, уж во всяком случае в

этой, он смел надеяться, теперь уже новой, истории принадлежала не кому-то там, а ему и его ребятам. Как бы там Антон ни планировал их вступление в войну, но отказаться от возможности уменьшить военный потенциал Японии на парочку броненосных крейсеров новой постройки он не мог. Вот и был направлен в долгосрочную командировку Гаврилов.

Яхта «Светлана» провела в южных широтах полгода. Нашли тихий, уединенный и необитаемый островок — золотая, можно сказать, мечта безоблачного детства. Остров подошел во всех отношениях: здесь была и лагуна с ровным песчаным дном, лишенным какой-либо растительности, а стало быть, и ориентиров, что очень способствовало выработке навыков ориентирования под водой. И скалистый берег с неизменным прибоем — конечно, ему было далеко до тех волн, накатывающих на берег и столь любимых серфингистами, впрочем, эти пока еще не появились: идея оседлать волну вроде как имеется у каких-то туземных племен, но на этом пока и все. Но этот прибой вкупе со скалами как нельзя лучше подошел для тренировок и оттачивания навыков.

За это время парни из отряда пловцов успели наработать не один и не два десятка часов подводного плавания. Причем если в самом начале Семен практиковал дневные погружения, отработывая погружение, передвижение под водой, правила обращения с оборудованием, ориентирование и тому подобное, то месяца через три упорных тренировок они приступили к отработке диверсионных действий.

В первую очередь учились обнаруживать вероятного противника, выходя на него в ночное время. В этом случае пловцам приходилось несладко, так как в качестве учебного пособия выступала сама «Светлана», которую злобный Гаврилов всякий раз старался отвести в сторонку — ну чтобы жизнь медом не казалась. Ее стальной корпус вполне подходил для установки магнитных мин. Хорошо хоть использовали только по паре магнитов, если бы с полным комплектом, то потом устали бы отдирать учебное пособие от днища яхты.

Учения проходили с переменным успехом, но все же к назначенному времени Семен не без удовольствия пришел к выводу, что к тому максимуму, который он мог преподать на тренировках, они подошли: наработка дальнейших навыков зависела уже от боевых выходов.

Простившись с тихой лагуной тихого приветливого острова, «Светлана» вышла в открытое море или, если хотите, океан и взяла курс на Сингапур. Время неумолимо текло, и настал момент ей заявить о себе, а вернее, тем, кто, находясь на ее борту, буквально изнывал от желания применить-таки свои обретенные способности на практике. Тем вопросом, что они, по сути, идут на совершение преступления, они не задавались. Раз командир говорит, что эти улыб-

чивые ребята не позднее конца января покажут свой звериный оскал, значит, так оно и есть. С другой стороны, долгие месяцы тренировок кого хочешь доведут до белого каления. И что, все это зря? Ну уж нет.

Пак появился в Сингапуре сравнительно недавно — не далее как месяц назад. Появился не нищим, так как у него достало средств, чтобы купить небольшую джонку и какой-никакой товар. Конечно, предприятие было бы выгодным, если бы не бешеная конкуренция. Стоило в гавани появиться новому кораблю, как его тут же облепляли самые различные лоханки торговцев, которые громкими призывами старались обратить внимание именно на себя. Люди пробыли долгое время в плавании, они истосковались по свежим фруктам, опять же хотелось вкусно поесть, так как стряпня судового кока стоит уже поперек горла. Если нужно просто добраться до берега — и тут никаких проблем, разумеется, за плату, но опять-таки весьма умеренную: не то место, чтобы заламывать цены, — конкуренты тут же оттеснят в сторону, и тогда можно и ноги с голоду протянуть. Если есть желание расслабиться после продолжительного морского перехода — и тут вам помогут со всем прилежанием, предложив общество какой-нибудь прелестницы с раскосыми глазами.

Но это только со стороны кажется простым: купил лодку — и будет тебе счастье. Конкуренция среди портовых лодочников не просто жестокая, да еще и сильно развита корпоративность. Здесь лодочники, можно сказать, потомственные, передающие и лодки, и дело из поколения в поколение, влезть в их иерархию еще нужно умудриться. Не пришелся ко двору — не дадут жизни, будешь пробавляться объедками, да еще и по самым смешным ценам; попытаешься перейти дорогу — в лучшем случае просто сожгут лодку, в худшем... Лучше не высовываться и быть внизу. Пак и не высовывался. Его лодка подходила к судам и кораблям последней, у пирса стояла в самом конце, не мозоля глаза местным заправилам, — его и не трогали, но и заработки были совсем никудышные. Семьи у него не было. Куда? Тут бы самому ноги не протянуть.

Белоснежная океанская яхта появилась на рейде, словно лебедь среди черного воронья. На борту русскими буквами было выведено название: «Светлана». Такая красавица не могла предназначаться для перевозки грузов: максимум, что могла она перевозить, — это весьма обеспеченных персон. Вот только флаг над нею развевался совсем даже не русский, а американский. С чего бы это? Впрочем, поди разбери этих богачей — захотелось вот эдак, и никаких денег не жалко за исполнение своего желания. Как видно, богатый клиент забрел в мутные воды Сингапурского порта. А богатый клиент — это дело такое... Его упускать никак нельзя.

К белоснежной красавице тут же устремилась стайка лодок: куда там портовым служащим, здесь главное — оказаться первым, — если повезет, то можно подвигаться обслуживать команду на все время, пока судно в порту. У господ-то, понятно, ял имеется, а как быть простым матросам? Вахту отстоял — и свободен как птица, да кто же станет ради тебя шлюпку гонять — она всего-то два рейса сделает, утром и вечером, да еще и в строго определенное время. А если подзадержаться хочется или пораньше сойти на берег? Вот тут-то лодочники в самый раз и будут. На таких судах и матросы не прижмились, вот и ринулись к яхте местные извозчики. Пак также направился вслед за этой стайкой. Двигался он медленно, чтобы не мозолить своей настырностью глаза другим, — а ну как выгорит?

Вблизи яхта оказалась не столь уж и белоснежной — как видно, она уже давно в плавании и успела хлебнуть лиха: и шторма пройти, и бури. То тут, то там были видны рыжие подтеки и соляные разводы, но от этого она не перестала быть красавицей, а как представишь ее с распущенными парусами... Красота.

Вот опустили трап, но лодочники и не думают к нему приближаться: галдят вокруг, выкрикивают что-то, заывают, показывают фрукты, наваливают товар, предлагают свои услуги — мол, только я и в любое время, да быстро как птица.

К трапу остается свободный проход, в который уверенно, по-хозяйски проскальзывает шлюпка с портовым чиновником и таможенником. Из нее с чувством собственного достоинства на трап ступают двое и не торопясь поднимаются на борт. Отсутствуют они около двадцати минут, после чего, вполне довольные собой, все столь же высоко неся головы, спускаются обратно — и портовая шлюпка отваливает в сторону берега.

Яхтенный ял никто спускать не торопится — как видно, хозяин пока занят и на берег не спешит. Лодочники, осмелев, облепили трап со всех сторон — теперь уже сквозь них не протиснуться — и продолжают свой галдеж. Наконец на трапе появляется мужчина в белой рубахе, с подвязанным на манер фартука белым отрезом полотна и таким же колпаком. Ага, это кок, стало быть. Лодочники тут же начинают поднимать над головой свой товар, не переставая его наваливать. Мужчина остановился примерно на середине трапа — так, чтобы оставаться над этой импровизированной толпой, — и внимательно их осматривает. На мгновение его взгляд задерживается на стоящем немного особняком корейце, но тут же взгляд скользит дальше.

— Чего ты застыл-то, Семеныч? — Это у фальшборта появился офицер в белоснежном кителе.

— Дак, Роман Андреевич, а как с ними общаться-то — я ить и языка ихнего не знаю, галдят чего-то, а чего галдят — и не поймешь. Понятно, что товар предлагают, да как разберешь, какую цену ломают?

— А ты что же, в первый раз в иностранном порту? — улыбается офицер. — Разберешься, не впервой. Ты же английский немного знаешь, вот и давай.

— Ага. Немного я, немного они, а поди тут пойми друг дружку.

— Чего они там говорят?

— Что хотят?

— На каком это они?

— Точно не на английском. — Еще бы, на этом языке все худо-бедно изъясняются.

— И не на французском. — Этот знают немногие — ну как знают... в общем, так себе знают.

— Это на русском.

Все поворачиваются в сторону подавшего голос Пака. Вот так вот — серая неприметная мышка, а оказывается, что-то да знает.

— И чего они хотят? — Это Лао, он как бы старшина у лодочников: если он спрашивает — лучше ответить, и быстро.

— Говорит, что ни слова не понимает, английский знает очень плохо, мы тоже говорим нехорошо, боится, что не сможем друг друга понять.

— А ты откуда русский знаешь?

— Бывал в России.

— Понятно. Поговори с ним.

А отчего не поговорить, если старшина отщепенцу дает такое право. Сам как бы и не напрашивается, а так... Неприятностей, одним словом, не будет.

— Господина, я говорю на русски.

— О! Роман Андреевич, есть один, что по-русскому лопочет.

— Ну вот, а ты боялся. Пантелеич!

— Я, ваш бродь. — У борта появляется здоровенный детина, не иначе как боцман.

— Тут Семеныч нашел одного, что на русском лопочет. Озаботься. Не то команду по пьяному делу отвезут куда угодно, только не на «Светлану».

— Есть, ваш бродь. Не извольте беспокоиться — все сделаю в лучшем виде. — И боцман уверенно ступил на трап.

Тем временем с появлением переводчика торговля пошла веселее. Вот только кореец не предлагал свой товар, чтобы не вызвать неудовольствия уважаемого Лао, — ведь тот позволил только переводить. Но кок сам прикупил кое-что у бедолаги — к этому отнеслись спокойно, никто не покосился и не зашипел. Парень молодец: на глаза сам не лезет, имеет уважение и место свое знает, а то, что купили у него немного товара, — так что с того, ведь сам кок купил, кореец ничего не предлагал. Появились два матроса и, нагруженные фруктами, поднялись с поклажей на борт, кок ушел за ними, а боцман обратился к Паку:

— Как звать, раб божий?

— Арым.

— Ты вот что, Арым. Мы тут простоим несколько дней, ребятам и погулять нужно, и назад вернуться, ну ты понимаешь. Как, хочешь подзаработать?

Пак бросил вопросительный взгляд на Лао: без его дозволения он никак не может согласиться, остальные также смотрят на крепкого мужчину лет сорока.

— Чего он хочет?

— Спрашивает, не хочу ли я поработать у них лодочником.

— Ясно. Ну что, товар продали, отчаливайте, яхту будет обслуживать Пак. — А чего тут непонятого, старшой решение принял. Лодочники начали рассасываться: здесь больше ничего не обломится — если только еще можно будет предложить товар, но это уже на общих основаниях.

— Моя согласна.

— Вот и ладушки, — понятно ухмыльнувшись в пышные усы, резюмировал боцман. — Ты тут подожди: сейчас ребятки спустятся — свезешь на берег, да сговоришь там с этими чертями, когда забереши.

— Моя все понимай.

— Ну бывай, пока.

— Слушай сюда, Арым, — когда боцман поднялся по трапу, обратился к Паку Лао. — Половину заработка будешь отдавать мне, и без глупостей. Их там нужно будет обстирывать, так что все белье возьмешь и привезешь мне, мои женщины и отстирают, и отгладят, господа останутся довольными, но эту плату будешь отдавать всю. Все понял?

— Все, уважаемый.

— Может, тебе что не нравится?

— Все нравится, уважаемый. И огромное вам спасибо.

— Работай. — Благоклонно кивнув, Лао отвалил и усиленно работал веслами в сторону какого-то корабля. В лодке все еще оставался товар: нужно было его распродать.

— Здорово, корейская морда, — устраиваясь на банке и украдкой улыбаясь лодочнику, проговорил Зубов, одетый в матросскую форму. В лодке спешно рассаживались еще пятеро, и все таинственно улыбались корейцу, как бы невзначай одаривая его легкими тумачами.

— И тебе привет, морда рязанская. — Вот ведь чудеса — никакого тебе акцента, чистая русская речь.

— Чего это рязанская? Я там отродясь не был.

— Будешь еще — вот увидишь: там все такие.

— Как тут?

● Мы наш, мы новый... ●

Глава 1

ПРИБЫТИЕ В АРТУР

Солнечный луч отыскал прореху в глухой обороне тяжелых непроницаемых штор и замер на стене, ярко осветив изображенную на обоях тройку, несущуюся во весь опор, как и положено, с бубенцами и покрикивающим, лихо заломившим картуз с пышным цветком возницей и сидящими в коляске хмельными от счастья молодыми. Свадьба. Вроде бы и обои, и рисунок не раз повторяется, но выполнено все с большим мастерством и любовью, а потому взгляд невольно задерживается. Впрочем, могло ли быть иначе, на косметический ремонт родительского дома Светлана не скупилась, к чему, собственно, если муж сказал о расходах даже не задумываться и тратить столько, сколько вздумается. Вот она и расстаралась, закупив все только самое дорогое, а дорогое — оно потому и дорогое, что и качество, и мастерство. Но как ни красива была картинка, непоседливому лучу никак не усидеть на одном месте, вот он пополз дальше по стене, выхватив березовую рощу, а вот он уже на кровати, высвечивает цветочки на подушке, а вот ему стало скучно иметь дела с неодушевленными предметами, и он решил поозорничать, скользнув на лицо спящего.

Светлана, задохнувшись от охватившей ее нежности, смотрела за тем, как Антон героически борется с солнечным проказником, но даже и не подумала встать и задернуть шторы поплотнее — уж больно забавен в этот момент был муж. Наконец, не выдержав пытки светом, Антон открыл глаза.

— Здравствуй, милый.

— Доброе утро. — Улыбка словно сама собой включилась на его лице, без какого-либо участия с его стороны. — Который час?

— Девять.

— Ничего себе. — Антон как ошпаренный выскочил из постели. Что-то он расслабился в последнее время. Нет, понятно, что вчера денек был не из легких, да и ночь, хотя на ночь грех жаловаться, но тем не менее это не повод отлеживать бока, когда дел невпроворот.

— Ты куда? — не удержавшись, прыснула в кулачок Светлана.

— Слишком много дел на сегодня, так что извини.

— Ты меня не любишь. — Звучало это не как вопрос, а как утверждение. Была склонность у молодой жены к смене настроений — как ветер в мае.

— Что за глупости?

— Никакие это не глупости. Чуть свет ты убегаешь из дома и не появляешься до самого вечера, а когда приходишь, то вечно хмурый и думаешь о чем-то о своем... — Ну как ребенок, ей-богу. Только что светишься счастьем, а вот губки надула.

— Прости, милая, но время сейчас очень тяжелое. Идет война. Сережа с Семеном застряли в Порт-Артуре, и все свалилось на меня.

— Так вызови их. Что им делать там, где они подвергаются опасности, там ведь идет война? — А вот теперь в тоне мелькнуло что-то такое, чего раньше не было. Это что же, девочка делает пробные шаги в области влияния на мужа? Интересно, но всему свое время и место.

— Света, давай договоримся раз и навсегда: ты никогда не будешь влезать в мои дела, какими бы они ни были. Никогда. Ты — моя жена, и тебя касается только то, что относится к семье. Все. Остальное — не твоего ума дело. И не надо дуться. Вот такой я самодур. — Ага, самодур, ничуть не бывало, и здесь это норма, не то что в его прошлом или будущем, ну понятно, в общем.

Все случилось шесть лет назад, когда трое друзей случайно встретились в уютном ресторанчике Владивостока. Продолжение банкета имело место в квартире Звонарева. Выпито было немало, рассказано тоже, в процессе разговора выяснилось, что Сергей Звонарев, друг и одноклассник Песчанина, решил серьезно заняться паранормальными явлениями, и даже якобы в черте города ему удалось обнаружить самую настоящую аномальную зону. Вот и отправились друзья втроем на обследование этой самой зоны. Что и как там произошло доподлинно, им так известно и не стало, а предположения Звонарева остались на уровне ничем не подтвержденных домыслов, но факт остается фактом. Загуляв в 1998-м и направившись вечером на указанный Звонаревым пустырь, поутру они проснулись в 1898-м.

Хорошо еще они оказались не лицами тонкой душевной организации, а достаточно толстокожими и с довольно гибким мышлением, чтобы не сойти с ума. Оказавшись на новом месте, да что там, в новом мире, иначе и не скажешь, потому как все было иное — и эпоха (а что, вполне себе и эпоха, а не просто время), и нравы, и даже язык, — друзья начали вливаться в существующее общество. Чтобы обеспечить себе безбедное существование, они начали изобретать то, что вполне могло бы появиться, так как имеются для этого и уровень развития, и технологии, вопрос остается только в том, чтобы подать идею.

Когда с бытом более или менее наладилось, они решили начать добычу золота в будущей Магаданской области, на неприметной ре-

чушке Авеково. Тогда же Антон поведал друзьям о своем намерении вмешаться в ход истории и обеспечить России преимущество в русско-японской войне, а заодно сделать все для того, чтобы ее выиграть. Гаврилов, друг и сослуживец Песчанина, сразу и безоговорочно поддержал его, Звонарев выступил против, но вынужден был прикнуть, так как не мог их оставить. Так уж сложилось, что, не имея кровных уз, они вдруг почувствовали, что у них в этом мире не было никого роднее друг друга. И вот теперь Семен и Сергей были в Порт-Артуре, а Антон не знал, что делать, так как если с первым было все понятно и в принципе все шло по плану, то второй отчето-то вдруг изменил свое решение и тоже влез в эту авантюру по самым уши.

С завтраком еще не было покончено, когда к ним пришли гости. Ну как гости... Гостями эти две женщины никак не могли быть, так как могли появиться здесь в любое время дня и ночи, — они для Антона были даже не подругами, а скорее сестрами, родными и любимыми. Вот только отношение у них к нему несколько изменилось после его возвращения. Новость о том, что их мужья были призваны на военную службу, была воспринята негативно. Если Лена, тяжело вздохнув, смирилась с этим, то Аня вообще не желала ничего понимать и откровенно разозлилась на Сергея, весь мир и Антона заодно. Что он мог с этим поделать? Понятно, что женщина, привычная к тому, что ее Сережа всегда дома и весь такой спокойный и домашний, сильно удивилась и не на шутку разволновалась, когда тот решил поиграть в солдатиков. Несмотря на появившуюся натянутость в отношениях, Антон все же был рад ее видеть.

— Антон, посмотри, что пишут в газетах. — Аня тут же выложила на стол газету. Судя по всему, предлагать им разделить завтрак было бы неразумным, поэтому он взял в руки листок с печатным текстом. Ага, сообщается о том, что связь с Порт-Артуром прервана, — что же, ожидаемая новость.

— Анечка, не волнуйся, — успев прочитать название статьи, напечатанное большими буквами, поспешила успокоить подругу — да-да, теперь подругу — Светлана. — Про папу тогда тоже бог весть что написали, но все это оказалось неправдой. Ведь все это неправда? — Вопросительный взгляд на Антона.

— Боюсь, что на этот раз правда. — А чем это еще могло быть — он уже давно ожидал подобного сообщения, и произошло это несколько раньше, чем указывается в газете: цензура все же, — а вот когда скрывать это стало невозможно, тогда и дали добро.

— Ты можешь вывезти их оттуда? — Гаврилова вроде бы и смирилась с непоседой мужем, но, как видно, и она пришла сюда, испытывая нешуточную надежду. Черт! Ладно Гризли, Лена покрепче будет, опять же восстание «боксеров» как-то пережила, а как быть со Зво-

наревой? Она-то полагает своего Сереженьку чуть не плюшевым мишкой.

— Боюсь, что это не в моих силах. Они оба поступили на службу и до конца войны не смогут ее оставить.

— Но ведь они промышленники, предприниматели, не последние люди на Дальнем Востоке.

— И что с того?

— Но ведь может же быть для них хоть какое-то исключение.

— О каких исключениях ты говоришь, Анечка? Они призваны на службу и в первую очередь добровольно пошли на этот шаг. Да даже если бы такое и было возможно, боюсь, что они не пойдут на это.

— И что, теперь до конца войны?

— Покинуть строй они могут только в трех случаях: получить ранение, ограничивающее их годность к строю, подписать документ, в котором обязуются не участвовать в дальнейших боевых действиях, но это в случае пленения или...

— Или погибнуть, — помертвевшим голосом закончила Аня.

— Да не расстраивайтесь вы так. Сережа поступил на флот и привлечен по линии снабжения, Макаров неглуп, чтобы не распознать выгоды иметь его на данной должности, к тому же там расположен наш завод, а он завязан именно на военные поставки, так что на переводную его не пустят.

— А Семен?

— А что Семен? Он имеет большой опыт в охране железнодорожных путей, так что занимается тем, чем и занимался в свое время, вот только сейчас там на порядок все проще: последних хунхузцов разогнали еще два года назад.

— Тебя послушать — так там полное благолепие, — недоверчиво взглянула на него Аня.

— Отчего же. Есть возможность попасть под бомбардировку Того, но он этими безобразиями уже не занимается — Макаров отучил. Нельзя утверждать, что навсегда, но все же. Так, дамы, был несказанно рад вас видеть, но мне уже нужно бежать. Сегодня заканчивается погрузка припасов на шхуну, нужно проследить.

— Ты хочешь сказать, что, пока наши мужья воюют в Порт-Артуре, ты больше всего озабочен тем, чтобы направить сезонных рабочих в Магадан и Авеково?

— С Порт-Артуром я поделаться ничего не могу, а вот содержать наши дела в порядке нужно.

— Но ведь это ты втравил их во все это. Я знаю. — Аня обличительно указала на него пальчиком, только комично при этом не выглядела — она сейчас походила на разъяренную фурию, так что лучше было ее не задевать. А еще лучше — просто молча ретироваться, оставив поле боя за нею. — Не уходи от ответа, Антон! Ты все время куда-то спешил, вечно опаздывал, был на взводе и беспрестанно тере-

бил наших мужей. Такое впечатление, что ты знал об этой войне и спешно к ней готовился, а как пришло время, трусливо поджал хвост. Ведь это ты должен был быть там, а Сережа — заниматься делами здесь. Он всегда говорил: что бы ни случилось, он всегда будет рядом.

— Анечка, я был не меньше твоего удивлен его решением, поверь. Да, мы догадывались об этой войне, — а кто не догадывался? Да, мы готовились к ней, но Сережа и впрямь должен был оставаться здесь и заниматься делами.

— А Семен? — И эта туда же, боже, двух разъяренных женщин ему уже не потянуть, да ему не потянуть и одной.

— Семен должен был заниматься предприятиями концерна в Порт-Артуре при любом раскладе, — решил выдать часть правды Антон.

— А ты?

— Леночка?

— Не уходи от ответа! — Гаврилова даже притопнула ножкой.

— А я должен был отправиться в кругосветное путешествие с посещением Баден-Бадена, Куршевеля и других приятственных мест, чем и собираюсь заняться. — Видит бог, он пытался сдерживаться, но что тут поделаешь. Ну, Сережа, вот дай только бог встретить тебя живым и здоровым — сам вгони в гроб, все через тебя, импровизатор хренов.

Боясь, что все может пойти очень далеко, Антон поспешил покинуть дом. А потом, ему и правда нужно было заняться делами. Будь его воля, уже давно его ноги не было бы во Владивостоке, но было слишком рано: ледовая обстановка в Охотском море не позволяла действовать столь поспешно; с другой стороны — уже завтра можно и выдвигаться, вот только закончить последние приготовления, ну в крайнем случае послезавтра.

Антону стоило больших трудов выпросить разрешение на выход в море, но о переброске в Авеково и Магадан сезонных рабочих пришлось забыть, так как представители власти считали, что работы на прииске следует прекратить, дабы избежать захвата золота противником. Такое же настроение было и в отношении других предприятий, так как были все шансы на то, что рыбная продукция пойдет на пополнение интендантской службы японской армии. Никакие доводы о том, что на концерне висят кредиты и их нужно выплачивать, на власти не произвели никакого эффекта. На Сучанских коях в настоящий момент вообще все встало в связи с невозможностью вывоза угля, углевозы намертво пришвартованы к пирсам, и ничто не способно сдвинуть их с места. Большинство рабочих призваны на военную службу. Если бы успели достроить железную дорогу, которую тянули от уссурийской ветки, то, возможно, рабочих и не тронули бы, ведь уголь — это стратегическое сырье, но дорогу не закончили

ли и наполовину. Так что рабочих призвали, мало того — призвали и строителей с узкоколейки, а на их место прибыли каторжане.

Хорошо хоть ему самому никто не стал чинить препятствий. Распоряжение для контр-адмирала Иессена от Макарова было однозначным: прапорщику Песчанину в выходе в море препятствий не чинить и оказать всяческое содействие. Командир владивостокского отряда крейсеров и не думал нарушать столь однозначного приказа, хотя вопросы у него и имелись. Что за выход? По какой такой надобности? Как может быть связан выход обычной шхуны с ведением боевых действий? И самое главное — отчего нигде не распространяться о том, что Песчанин является офицером флота? Одни вопросы, и никаких ответов. Ну да и бог с ним, придет время — все узнает, а сейчас у него и без того полно забот.

— Какой-то вы озабоченный сегодня, Антон Сергеевич?

— А ты разве не слышал, что Порт-Артур отрезан?

— Слышал, как не слышать, — равнодушно пожал плечами Варлам. — Да ведь это не неожиданность для вас.

А что тут скажешь? Конечно, не неожиданность, мало того — он узнал об этом в числе первых и уже успел навестить наместника, предложив услуги по обеспечению связи с Артуром. Их новые радиостанции вполне могли обеспечить устойчивую связь с Артуром из Инкоу, а оттуда информация должна была уже поступать к Алексееву в Мукден.

В это дело он решил вмешаться по двум причинам. Во-первых, ему было известно, что в той истории Стессель получил-таки распоряжение сдать дела в Артуре и выехать из крепости, вот только он скрыл телеграмму и, начав закулисную игру, сумел остаться у руля. Теперь дело должно было принять иной оборот — ведь сведения будут поступать в первую очередь к морякам, читай — к Макарову, стремящемуся сосредоточить командование в своих руках.

Во-вторых, был шанс, что при наличии практически прямой связи действия армии и осажденных будут хоть как-то скоординированы. Но труд оказался напрасным, так как то обстоятельство, что Звонарев не допустил захвата «Маньчжурии» с грузом радиостанций, вполне позволило решить вопрос с налаживанием связи и без вмешательства друзей. Ну да, баба с возу — кобыле легче.

— Посмотрел бы я на тебя, явись с утра к тебе жены твоих друзей с настоящим требованием вытащить оттуда их мужей, — резко бросил Варламу Антон.

— А вот тут я пас, Антон Сергеевич. Я лучше еще парочку-другую шпиенов споймаю, оно попривычнее будет.

— Опять кого-то захомутали? — тут же сменил тон Песчанин.

— Майор Икуто. Упертый — жуть. Ну да и мы не лыком шиты.

— А этому что потребовалось в нашем концерне?

— Все то же. Как всегда, концерт — побочное задание. Так, разужать, чего там эти умники скрывают.

— Плохо. Еще один офицер прогорает, едва сунув к нам нос, — эдак мы удосужимся самого пристального внимания. Значит, так, начинайте отрабатывать всю шпионскую сеть, какую только засветите. Нужно будет закопать этих разведчиков среди остальных.

— Не, нам этого не потянуть. Если начнем просто отстрел, то рано или поздно все укажет на концерт.

— Ну так привлеки полицию, у тебя ведь есть прикормленные.

— А оно им надо — светиться? Чего доброго, в жандармы уволотут, при таких-то способностях.

— Думаешь на жандармов выходить?

— Есть тут один — до славы уж очень охоч, попробую подбросить ему информацию. Вроде не дурак, должен понять, что это его шанс.

— Добро. Слушай, Андрей, как ты понимаешь, Звонарев и Гаврилов надолго засели в Порт-Артуре, как бы не до конца войны. Я не сегодня завтра тоже убываю.

— Тоже в Артур?

— Пока в Магадан, а там как масть ляжет, — не стал полностью открывенничать Антон. Не доверять своему начальнику службы безопасности у него не было никаких причин, вот только у него уже в кровь вьелось всегда и от всех скрывать свои истинные намерения — так было спокойнее.

— Во как! Чуть мне — так сразу в пику, а как сами по фене — так завсегда пожалте.

— Ты не ерничай. У меня это присказка несерьезная, а ты как на феню скатываешься, сразу другим человеком становишься — беспшашным и чересчур самоуверенным. Так что тебе это только во вред.

— Все, Антон Сергеевич, все. Считайте, что научили уму-разуму.

— Ох, шутник. Ладно. Как там обернется в Магадане, я не знаю, буду действовать по обстановке. Порт-Артур Порт-Артуром, а если у нас там бардак да без меня никак, то, как говорится, своя рубаха ближе к телу. Но в любом случае выходит, что ты тут старшим на хозяйстве остаешься.

— Чего я-то сразу? На заводе есть свое начальство, в НИИ тоже есть кому заниматься, в банке вообще акула сидит. Я тут при чем? Мое дело — сторона, только безопасность.

— А я тебе и не предлагаю влезать в научные разработки или заниматься производством и денежными потоками, но вот догляд за всем этим нужен строжайший. Знаешь, как бывает: кот из дому — мыши в пляс. Тут из трех котов никого не остается.

— Я, стало быть, тоже из мышей?

— Давай откровенно, Андрей. Если кто захочет прибрать к рукам все наше хозяйство, то сейчас самый удобный момент. Учредители как с цепи сорвались — умчались воевать, жены вообще не в курсе

дел концерна, так что если ты захочешь все прибрать к рукам, то у тебя для этого есть все шансы. Если останешься верен своему слову — нет шансов ни у кого.

— Ага-а, стало быть, от меня все зависит, — озорно улыбнулся бывший воровской авторитет.

— От тебя, — не поддерживая озорства, серьезно подтвердил Песчанин.

— Опять? — Варлам иронично взглянул на Антона и ухмыльнулся. — Вот ей-ей, чудные вы. Я ведь говорил как-то, с недоверия начинать надо. Значит, так, Антон Сергеевич, вы эти мысли оставьте, пустое. Я себе цену сложил еще тогда, когда пошел к вам, а за то время, что работаю с вами, только утвердился в этом. Не получится у меня быть первым: все по миру пуцу и себя потеряю, сдерживать меня нужно. Вот вторым — да, это я могу хорошо, и тех, за кем я пойду, я уже давно нашел. Так что забудьте. Если здесь что будет не так, то это может быть моя ошибка, а может, меня уже не будет, — только в спину вам я не ударю.

— Здравствуйте, Виктор Михайлович.

— Здравствуйте, Антон Сергеевич. — Крепкий мужчина встретил его с радостной улыбкой прямо на причале.

Было чему радоваться: он ведь полгода не видел своих, это было первое судно в этой навигации, а стало быть, с ним прибыла и почта. Вот уже несколько месяцев он ничего не знал о своих, оставшихся во Владивостоке, поэтому хотя улыбка и была радостной, но во всем его облике угадывалось и нешуточное волнение.

— Все нормально, — тут же поспешил успокоить старпома Антон. — Ваши все живы, здоровы, детки подрастают. Я привез целую пачку писем и фотографий.

— Благодарю. — Теперь его улыбка была целиком и полностью радостной, без каких-либо оговорок. Он принял весьма объемный пакет из рук начальника, но вскрывать его не стал. — Потом посмотрю, раз уж все в порядке, то час-другой погоды не сделает.

— Я вполне располагаю временем, Виктор Михайлович, и забот у меня хватает.

— Еще раз благодарю. Но давайте сначала все же я доложусь.

— Что же, слушаю ваш доклад.

— В принципе докладывать нечего. Все идет согласно полученным мною распоряжениям. Боевая подготовка вполне на уровне, а если сравнивать с тем, с чем мне приходилось сталкиваться на флоте, так и повыше. О войне нам стало известно еще зимой — Пронин получил извещение. Здесь вполне уже сформировано ополчение. Ребята, как только узнали о начавшейся войне, прямо-таки из кожи вон лезут на занятия. Скажу откровенно, специалистами они стали весьма хорошими, правда, непонятно, как себя поведут в боевой об-

становке, — все же боевого опыта у них нет никакого. Но все, что можно было сделать, сделано, не сомневайтесь.

— Спасибо, Виктор Михайлович. А что касается подготовки, то, думаю, некое подобие боевой обстановки парням все же не помешает. Есть одна задумка.

Бабах!!!

Сашка от неожиданности даже присел. Нет, до этого момента тоже было не тихо, чай, оружие вело огонь, рывкая и посылая по цели один за другим снаряды. Но это... это было как-то по-другому. Страшно. Так страшно, что он просто опешил, а когда его и его товарищей обдало чем-то липким и противным — ощущения вообще зашкалили. Ничего не понимая, он растерянно огляделся. Вот когда его проняло до самых тайников души. Повсюду кровь — на палубе, на орудии, на ребятах и на самом Сашке, а еще скользкая, источающая непередаваемый смрад требуха, много требухи. Это что же, кого-то разорвало, что ли? Ой, божечки! Ой, мамочка! Да как же так-то!

Как его начало выворачивать наизнанку, он и сам не заметил, — в этот момент не думал о том, как будет выглядеть перед товарищами, он вообще ни о чем не думал. Ему просто было плохо. Очень плохо. Во-о-от как плохо. Господи, да откуда столько-то! Да что же это, ить эдак все нутро вывернется, да нет же уже ничегошеньки, — ан нет, выворачивает и выворачивает, так что и моченьки стоять на ногах никакой. А рядом опять:

Бабах!

Быхш-ш-ш!

Теперь обдает забортной водой, так как взорвалось под самым бортом. Знатно так рвануло — всю прислугу носового орудия облило студеной водицей соленого Охотского моря, но от этого как-то даже и полегче стало: хоть немного сбило запах крови и внутренностей, а заодно и немного привело в чувство. Что это там унтер орет?

— К орудию! Мать вашу перемать! Заряжай! Дистанция пятнадцать кабельтовых! Вахрушев, кому сказано, к орудию!

Сашка, все еще стоящий на четырех конечностях, воюя со своим желудком, почувствовал, как ботинок унтера весьма увесисто приложился к его заду, заставив растянуться на палубе, обильно покрытой сгустками крови и блевотиной. Мало этой радости — так еще и лицом въехал в требуху. Его вновь обдало противным запахом внутренностей, и новый позыв рвоты рванулся к горлу, вот только исторгнуть из себя он уже ничего не мог, только свое нутро. Но долго пребывать в растерянности и жалости к самому себе ему не дали: новый пинок и мат унтера все же привели в себя.

Орудие. Ну да, орудие. Он ведь наводчик — кто будет стрелять, если он станет валяться? Нет, парни, конечно, вполне могут его за-

менить, вот только не управятся лучше его, — потому он и наводчик, что лучше всех управляется. Надо вставать. И быстро, не то дядька Федор еще и не так всыплет.

Господи, а он-то думал, что на войне весело, море, приключения, потопленные вражеские корабли, он весь такой героический, куда там его тезке, что обретался на бастионах при осаде Севастополя, проявляя геройство там, где взрослые мужики пасовали. Нет, тому Сашке до него, Вахрушева, ой как далеко, потому как он о-го-го... Опять же тому пацану всего двенадцать было, а ему уже девятнадцатый... А вот что-то не получается. В книжках ничегошеньки не пишут о том, что когда снаряд рвется рядышком, то бывает и так вот... Ничегошеньки не пишется ни про запах сгоревшего пороха, что шибает в нос, так что голова кругом, ни про запах крови, который перешибает порох и заставляет выворачивать нутро.

— Вахрушев, итить твою!

— Я... — пытался промямлить непослушными губами Сашка. Хрясь, клац. Ой, а зубы-то на месте.

— К орудию! Якорь тебе в седалище!

Ой не к добру унтер разошелся! Нет, злить его дальше лучше не надо. Прибьет. Как есть прибьет. Сашка с трудом поднялся на ватных ногах и приник к прицелу. Мало что ноги не держат, так еще и палуба никак не хочет быть твердой опорой. Конечно, он уже привык передвигаться и вполне уверенно себя чувствовать на ней в любую качку, а бывало, и в штормы попадали, но что-то сегодня никак не получалось прийти в себя. Корабль приблизился рывком, словно подпрыгнул, почитай, вплотную.

— Дистанция шестнадцать кабельтовых!

Сашка послушно вращает маховик, придавая нужный угол возвышения. В голове сейчас вообще никаких мыслей. Вернее, мысль-то есть, вот только странная какая-то — попасть, только попасть, все мысли вокруг этого, так что отвлекаться ну никак не хочется. Потому как тогда перед глазами сразу предстают разбросанные по палубе внутренности. Шкала послушно ползет вниз, он сажает птичку прицела на середину борта. А кого это разорвало-то? Вахрушев хотел было оторваться от прицела и осмотреться, но тут же переборол это желание, а вернее, открестился от него, так как стало очень страшно. Потом, все потом, сейчас нужно всадить снаряд в борт этого чертова корабля. Орудие резко вздрогнуло, панорама подпрыгнула и тут же вернулась в прежнее положение, а потому Сашка прекрасно рассмотрел, как снаряд ударил точно в борт — не туда, куда целился парень, но все же. Сквозь вату, залепившую уши, он все же расслышал, как сочно клацнул затвор, принимая следующий снаряд. Сейчас некогда отвлекаться, прицел точен, нужно стрелять и стрелять настолько быстро, насколько возможно. Орудие успевает рывкнуть еще пять раз, по старым установкам, добившись еще одно-

го попадания, затем становится видно, что данные безнадежно устарели, так как снаряды летят уже с перелетом, но на дальномере не дремлют.

— Пятнадцать кабельтовых! — звучит зычный голос унтера. Ага, стало быть, опять сближаемся...

— Антон Сергеевич, не слишком ли? — Кузнецов осуждающе смотрит на Песчанина. — Мальцы ведь совсем, а мы их...

— Здесь нет мальцов, Виктор Михайлович. Нет и не может быть. Здесь русские моряки, а еще те, кому предстоит сойтись с противником лицом к лицу. Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из них дал слабину в самый ответственный момент, а для этого нужна банальная тренировка. Если найдутся такие, что не смогут переступить через себя, то спишем без сожаления. Нет, послужить они еще послужат, будут передавать свои знания в Артуре, но на палубе им делать нечего.

Банг! Вновь рывкает орудие, посылая снаряд в уже полыхающую шхуну.

Бабах! Вторит ей на палубе неподалеку от носового орудия.

Только что бросивший взрывпакет унтер тут же вооружается ведром, которое принес с собой, и выплескивает его содержимое на оружейную обслугу. Антона самого передергивает от этого, но повторный кровавый душ с трепухой парни переносят хотя и не с восторгом, но уже более хладнокровно. Вслед за этим раздаются еще три взрыва один за одним — на корме и в районе надстроек. Господи, в какую же помойку превратился «Росич»! Ничего, отдраят.

Быхш-ш-ш. Взматается фонтан воды, обдавая моряков студеной морской водой. Ага, сработал еще один заряд в воде. Ох и пришлось же помучиться унтером, устанавливая эти заряды, да еще стараясь сделать так, чтобы никто из ребят ничего не заметил.

Это была уже восьмая шхуна японских браконьеров, реквизированная рыскающей в этих водах своеобразной флотилией, в состав которой входят миноносец, матка «Чукотка» и два парохода — «Чайка» и «Баклан». Команды японцев сейчас находятся на пароходах, под охраной ополченцев.

Несмотря на то что в прошлом году команда «Росича» неслабо потренировалась в стрельбе по конфискованным рыбацким шхунам, Песчанин решил, что новая практика будет совсем не лишней. Опять же нашлись снаряды с болванками — эта шхуна была только второй, на которую расходовались вполне боевые фугасы. Расточительно? Возможно. Но необходимо. Все происходило просто. Миноносец догонял рыболовецкое судно, заставляя его остановиться, затем подходил один из пароходов, снимал экипаж, на шхуне устанавливались паруса, и она отправлялась в свободное плавание, выписывая самые несурзные маневры, а экипаж миноносца расстреливал ее.

Правда, судов было задержано двенадцать, но на четыре из них у Антона не поднялась рука: больно уж в хорошем состоянии они были. В конце концов, для тренировок судов вполне хватало, а эти, бог даст, еще послужат новым хозяевам.

Нет, ну надо же, до чего додумались! У-у, изверги! Сашка никак не мог поверить в то, что все его товарищи живы и здоровы. Понятно, что все с позеленевшими лицами и в полном расстройстве чувств, но целы и невредимы. Вот кто это придумал — выплескивать на них кровь и требуху забитых поросят? Да как им вообще их отдали хозяйева хрюшек? Ведь из этого можно еще всяких вкусностей понаделать. Не иначе как Антон Сергеевич прикупил, он человек щедрый. Но тут помимо воли на губах появилась улыбка. Нет, ну как их, а? Вот ни в жисть больше на такое не поведусь.

В очередной раз улыбнувшись, Сашка опустил машку в море, затем выдернул изрядно потяжелевшую и ухнул ею о палубу, смывая уже изрядно пованивающую кровь. Все внутренности уже были выброшены в воду — теперь нужно было отдраивать корабль. Вот закончат — всех на «Чукотку» отправят, в баню и на постирушки. Когда его друг Васька вышел на палубу и увидел, в каком состоянии находится палубная команда, взглянул на разбросанные кишки, то сначала побледнел, но, когда до него дошло, что именно здесь произошло, смеялся от души и долго не мог успокоиться. А потом появилась машинная команда. Похоже, парням тоже неслабо досталось, вот только там прибираться куда труднее, чем на палубе.

— Чего это тут у вас было-то?

— Не видишь, тренировка.

— Ничего себе. Я как вышел, думал, что тут вас всех как на бойне разделали.

— Ага, тебе хорошо, ты эвон в акустиках, у вас там никто не стал гадить, а нас тут...

С Васькой они были дружны не меньше семи лет. Да, примерно тогда-то они и сошлись в столице, по одиннадцать годков им было, когда оба оказались в приюте. Жизнь там выдалась не из легких. Старшаки сразу же начали разяснять новичкам, кто есть кто и где их место. Били их часто и крепко, потому как мальцы ни в какую не хотели ни под кем ходить, а заводилам это было явно не по душе. Но как бы трудно ни было, через пару лет они отвалили от себя старшаков, держась наособицу и стараясь никуда не влезать. Можно было и рвануть куда глаза глядят, да была у них страсть, у каждого своя, но привязала она парнишек к приюту крепче самых крепких пут. Васька прямо-таки прикипел к учителю музыки, который учил его играть на пианино. Федор Апполинарьевич нарадоваться не мог на своего ученика, говоря, что у него абсолютный музыкальный слух. Васька, даже впервые увидев это пианино, сумел наиграть то, что сыграл учитель, просто угадывая, на какие клавиши нужно жать.

С Сашкой история была схожей. У него проявилась страсть к рисованию. Вернее, она у него была всегда. Он рисовал всем, что могло оставить рисунок, и везде, где только возможно. В основном в дело шли угольки либо от обгоревших дощечек, либо, если уж совсем везло, настоящим углем. Правда, когда он сообразил, что уголь можно найти на железной дороге, стало куда легче. Однажды он умудрился нарисовать куском угля батюшку Антония, что вел у них богословие. На беду Сашки или на счастье, сам священник его за этим и застал, но по счастью человеком он был незлобивым, и, хотя заставил все стереть, привел мальчонку к одному своему знакомому, который оказался художником. Рисовал он много и разное, но нередко брался и за росписи церквей, и за рисование икон.

Игорь Иванович, мужчина в годах, со всклокоченной шевелюрой и такой же бородой, в просторной рубаше, изгвазданной красками, оказался человеком нелюдимым и сначала показался Сашке очень злым. Окинув мальчика недовольным взглядом и столь же ласково взглянув на батюшку, он нехотя положил перед Вахрушевым листок бумаги и вручил карандаш, предложив нарисовать все, что душе угодно, пока они со святым отцом выпьют по чашечке чая. А через полчаса знакомый отца Антония уже мертвой хваткой вцепился в тринадцатилетнего мальчишку, никак не желая верить в то, что его никто и никогда не учил рисованию. Да, были ошибки, да, были огрехи, да, работу назвать достойной было нельзя, но на представленном наброске в сидящих за столиком и попивающих чай мужчинках легко угадывались священник и художник.

А потом приют посетил один дядька, который из всех отчего-то выбрал именно их двоих, и друзья поехали в далекие дали. МОРЕМ! На настоящем корабле, да еще и под парусами! КРАСОТА!

Правда, места, где им довелось быть, оказались весьма суровыми: короткое холодное лето, затяжная и студеная зима. Но не сказать, что это сильно огорчило друзей. Здесь они не были сиротами, здесь они были юнгами, и помимо того, что их обучали различным специальностям, привлекали на различные работы, из них готовили настоящих моряков. При приюте была самая настоящая большая парусная шхуна, на которой они ходили в море под присмотром директора приюта, морского офицера в отставке, и унтеров, всех в прошлом моряков. Года два назад всех их разделили на отдельные группы и стали готовить из них специалистов. Ваську записали в класс акустиков, Сашку — в артиллерийский класс. Они продолжали общаться и видеться каждую свободную минуту, но обучались уже по отдельности.

— А зачем вас так-то? — не унимался Васька.

— Вот учат тебя, учат, а ты как был балбес, так и есть. А ну как в бою кого ранят, а его кровью остальных забрызгает, — и чего, все

блевать кинутся, а стрелять кто будет? Вот и тренируют, чтобы привыкали, значит.

— И что, ты того, блевал?

— Вот еще.

— Дак а кто же тогда? — Васька с ухмылкой многозначительно кивнул на загвазданную палубу. Ага, постарались на славу. Артельно, можно сказать.

— А то некому, — подбоченившись самодовольно заявил Сашка. — Мне глупостями заниматься некогда, не то из орудия стрелять некому.

— Стало быть, не ты?

— Смеешься? Если бы я блевал, то кто бы то корыто на дно отправил?

— Тоже верно, — согласился друг, напрочь позабыв о том, что не только от наводчика зависит боеготовность орудия: ведь кто-то должен и снаряды поднести, и зарядить орудие, а кто будет все это делать если все только и делают, что полощут палубу? К слову заметить, кто же эдак сподобился, Васька так и не узнал, так как все без исключения с многозначительными ухмылками намекали на каких-то умельцев, не называя их имен и ни в коей мере не причисляя себя к их числу.

После плавания, продлившегося несколько дней, пароходы более чем с двумястами захваченными рыбаками, в сопровождении четырех шхун, взяли направление на Авеково. Антона вовсе не порадовало то, что ему так и не позволили завезти рабочих на прииск — это грозило большими убытками, — так что он решил действовать несколько иначе. Рыбакам на этот сезон придется переквалифицироваться в рабочих. Нет-нет, никаких военнопленных и лагерей. Все культурно и цивилизованно. Договор о найме, причитающееся жалованье, жилье, прокорм, медицинское обслуживание — одним словом, все как и положено. Конечно, охрана будет, без этого никуда, но в целом, когда рыбаки вернутся домой, у них в карманах будут деньги, и как бы не больше, чем они смогли бы заработать на рыбном промысле, — ну тут уж как будут работать. Хотя народ трудолюбивый, чего уж там, так что без заработка не останутся.

Перед отплытием из Магадана была у него беседа и с Прониным, что сейчас числился здесь у руля. По имеющимся сведениям, гарнизон на Шумшу готовился к захвату Камчатки, а после, ближе к осени, планировался рейд и в Авеково с Магаданом, дабы захватить золото и пушнину. Относительно пушнины было доподлинно известно, что японцы намеревались вырезать все поголовье зверя, их интересовал только ценный мех. Так вот чтобы избежать этого, чиновник уже сбивал ополченцев в подразделения, к побережью Камчатки выдвинулись разведчики, которые должны были принести весть о де-

санте. Так что, едва получив оную, магаданцы отправятся морем на помощь камчатцам, а там, глядишь, и еще рабочей силой разживутся, и опять же на договорной основе, на прииск, благо с рыбкой и сами способны разобратся. Что бы там ни говорили представители власти, но останавливать предприятия Антон не собирался.

Переход до Корейского пролива прошел спокойно и без каких-либо трудностей. По пути навстречу «Росичу» и «Чукотке» попались несколько судов: навигация-то в самом разгаре. Конечно, война, и былого оживления не наблюдается, но все же суда ходят, товары доставляются, торговля живет. Чем ближе Япония, тем интенсивнее движение, а ближе к проливу судов стало еще больше. Но в планы Антона вовсе не входили нежелательные встречи, а потому его небольшой отряд обходил всех встречных. Днем выручало то, что суда возвещали о своем нахождении дымами, и тогда два русских корабля уклонялись в сторону, обходя обнаруженных по большой дуге, благо сами дымного шлейфа не давали. Ночью помогали гидрофоны. Вот так они и остались не замеченными никем.

К проливу подошли с наступлением темноты, намереваясь за ночь проскользнуть через него и в достаточной мере отдалиться в Восточно-Китайское море. Только там, на открытых просторах, Антон собирался взять курс в Желтое море, а дальше на Артур. Задача непростая, но выполнимая — с теми-то преимуществами, что имелись у него. «Чукотка» вполне могла поддерживать постоянную скорость в семнадцать узлов, а при необходимости в течение нескольких часов даже держать двадцать один узел. Много было пролито пота, свернуто мозгов и затрачено денег на переоборудование этого грузо-пассажирского судна, не говоря уже о его покупке, но результат радовал. Турбины придали ему резвости — теперь за ним мог угнаться далеко не каждый военный корабль.

«Росич» подобно сторожевому псу крутился вокруг матки, время от времени ложась в дрейф, прощупывая гидрофонами окружающие воды. Песчанин скрежетал зубами оттого, что не может себе позволить немного поохотиться, — настолько активным было здесь движение. Они едва успевали отворачивать в сторону, чтобы не слишком приближаться. Ходовых огней не зажигали, шли в полной темноте: ну его к ляду, попадетса еще какой крейсер да решит устроить досмотр. А так... Тишком-бочком, только бы не заметили.

Пролив миновали удачно и, когда взошло солнце, были уже в открытом море, вне видимости берегов. Антон едва сумел перебороть себя, чтобы не вернуться к первоначальному плану. А планировал он, оставив матку в открытом море, заправить цистерны под завязку и рвануть на «Росиче» наводить порядок в Корейском проливе: худо-бедно, но несколько транспортов он вполне реально мог оприходовать, а то и какой боевой корабль. Понятно, что сейчас так не принято, сначала будьте любезны остановите судно, досмотрите, снимите

те экипаж — и только потом пускайте его на дно, причем не имеет значения, нейтрал это с контрабандой или военный транспорт противной стороны. Вот не трогай некомбатантов — и все тут. Если по тебе с палубы транспорта хоть из револьвера стрельнули — тогда да, тогда топи без зазрения совести, а до того — ни-ни. Идиотизм.

Когда проходили на траверзе Чемульпо, вновь ручки зачесались. Ну почему, собственно говоря, нельзя? Ведь противник. Сейчас в этом порту идет весьма активный каботаж, корабли ходят пачками, доставляя различные грузы — от продовольствия до огневого снаряжения, — а также живую силу: без пополнения никак. Ну хоть парочку транспортов, удачно сложится — можно на пару тысяч уменьшить армию микадо. Отчего-то о том, что там вполне живые люди, Песчанину не думалось. Просто голые цифры, и все, ни лиц, ни осознания того, что вот сейчас он с легкостью рассуждает о том, чтобы уменьшить на пару-тройку тысяч армию Японии, — а ведь это крестьяне, рабочие, интеллигенция, у всех у них семьи, дети, старики, которые ждут возвращения своих сыновей. Но нет, просто голые цифры. Может, оттого, что он старался не думать о них как о людях? Да нет. Все иначе. Он до сих пор не воспринимал все это настолько серьезно. Что было до этого момента? Остановили шхуну, сняли экипаж, расстреляли пустое судно. Все. Конечно, ему приходилось убивать, но это несколько другое: масштабы не те.

— Что так задумались? — обратился к пригорюнившемуся командиру Кузнецов.

— Это вы, Виктор Михайлович? — обернувшись, узнал Антон старпома, который в настоящий момент должен был отдыхать: вахту стоял сам Песчанин. — Да вот думаю. Рвануть бы сейчас в Чемульпо — там наверняка сейчас не протолкнуться от транспортов, — наделали бы шороху.

— А оно того стоит?

— О чем вы?

— Ну наделаем мы шороху, всполошим япошек раньше времени — и чего добьемся? Не-эт, Макаров прав, если есть вариант ввести сразу отряд, отряд и надо вводить, чтобы как гром среди ясного неба.

— Вы думаете, я этого не понимаю?

— Уверен, что понимаете. Вот только маетесь, так как долго готовились к этому, казалось бы, вот уже на месте и противника можете достать, и деться ему некуда, и корабль хочется пустить как гончую, потому как палуба жжет ноги, а опять нужно ждать.

— Один в один.

— Знаю. Самого трясет так, что моченьки никакой. Тем более что меня ведь в Артуре и списать могут.

— Это еще с чего?

— Так на пенсии.

— Вы думаете, там настолько все хорошо с офицерским составом, что вот так легко отмахнутся от офицера, пусть и пенсионера, который имеет опыт вождения данного корабля? Не смешите. Как бы вам не пришлось еще и вступить в командование каким из «Росичей» — я бы именно так и сделал.

— Вашими бы устами да мед пить.

— Так хочется в бой?

— Я пришел на флот, когда война с турками уже закончилась, всю жизнь только и делал, что готовился к войне, серьезно так готовился, без дураков. Поначалу это была просто юношеская восторженность, потом повзрослел, но оттого, что ума поприбавилось, пыла ничуть не утратил и продолжал совершенствоваться, знакомиться со всем новейшим, до чего вообще мог дотянуться. По боевой подготовке неизменно в первых был. Я всю свою сознательную жизнь готовился постоять за Родину, а как пришел момент — оказался не у дел.

— А как так случилось, что, будучи на хорошем счету, вы не смогли сделать карьеру?

— Ну не всем ведь быть адмиралами... — Но, увидев, что Песчанина ответ не удовлетворил, махнул рукой и закончил: — Пустое, Антон Сергеевич.

— Ну, нет так нет. — Антон поднял трубку. — Машинное, стоп машина. — В дальнейших командах необходимости не было. Акустик на вахте, а стало быть, как только машина остановится, сразу же примется обшаривать окружающее пространство. Не сказать, что ночь была из самых темных, но все же безлунная, так что работа для гидрофонов имелась.

Машина замерла, и ставший уже привычным гул работающих механизмов прекратился. Едва это произошло, Василий тут же нахлобучил головные телефоны и, устроившись поудобнее, начал вращать маховики настройки гидрофона. Дело привычное, чего уж там. Конечно, в Охотском-то море не так часто приходилось практиковаться, но как только вышли в Японское, а уж тем паче приблизились к проливу, то работы было столько, что только и успевай поворачиваться.

С начала похода Василий уже успел окончательно перепутать день и ночь, так как его вахты были только по ночам: днем ему давали отоспаться. Мало того — его никогда не привлекали на приборку или на другие работы, если только прибраться у себя в посту. Антон Сергеевич, ну то есть их благородие, строго-настрого запретил трогать акустика. И то верно. Камни носить не приходится, но за ночь так наслушаешься, что к утру голова как чугунная, едва донесешь ее до подушки — и все, словно свет выключают. А ему нужна голова светлая, чтобы не услышать того, чего и нет, — и вовсе и наоборот, не пропустить того, что появилось.

Маховики вращаются, чисто. Стоп, а это что? Так, подправить еще чуток, еще малость, нет, назад. Есть. Странный звук. Вроде как похоже на тот, что слышал на пластинке, но другой, ну это-то понятно, а вот характер звука... Ну да, крейсер. Нет, точно крейсер.

Несмотря на то что с практическим опытом у Малкина было слабовато, работал он над овладением специальностью весьма вдумчиво. Если бы ленился, ничем не записали бы в основной состав, — а так вот он, на «Росиче», а не на «Чукотке», и не гадает, возьмут в экипаж миноносца или нет. Так что очень много времени он посвящал прослушиванию пластинок с записями шумов самых различных кораблей, какие только сумели записать в НИИ. Мало того — он был уверен, что непременно сумеет опознать те суда, шумы которых неоднократно прослушивал, но они пока не попадались. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: эвон сколько кораблей понастроено.

— Ваше благородие, акустик, пеленг семьдесят, шум винтов, цель одиночная, классифицирую крейсер, большая дальность.

— Принял. Сигнальщик, цель по пеленгу семьдесят. — Антон положил трубку и хищно улыбнулся: да пошло оно все. Ну нет больше мочи терпеть. А потом, пусть еще поймут, что это было. Все, решено. Песчанин вооружается гарнитурой радиостанции — радист сейчас отдыхает, он ведь не железный, опять же один, так что радиостанция настроена на телефонный режим, с коим любой вахтенный вполне справится. — «Матка», здесь «Ноль первый», прием... — Можно обойтись и без позывных — прослушивать все одно некому, — но лучше уже начинать привыкать.

— «Ноль первый», здесь «Матка», прием.

— Пеленг семьдесят, обнаружен корабль, предположительно крейсер, большая дальность. Отворачивайте на курс двести семьдесят. — Крюк изрядный выйдет, но лучше так: уже через пару часов начнет светать, так что пусть матка держится подальше.

— Пеленг семьдесят, предположительно крейсер, отвернуть на курс двести семьдесят. Прием.

— Все верно. Подтверждаю. Прием.

— Принял. Выполняю. Конец связи.

— Ваше благородие, по пеленгу семьдесят цель не обнаружена.

Ага, это сигнальщик. Выходит, идут с потушенными огнями. И что это значит? А то и значит, что это японец: к гадалке не ходить, блюдут светомаскировку. Ну-ну. А мы поглядим, кто это там такой умный.

— Машина, полный вперед. Курс семьдесят. — Вода под кормой забурлила, и потерявший было ход миноносец вновь начал увеличивать скорость. Рулевой послушно переложил штурвал, и «Росич», слегка завалившись, начал менять направление движения.

— Я правильно понимаю, Антон Сергеевич, вы собираетесь его атаковать?

— Правильно, Виктор Михайлович. — Антон включил колокола громкого боя, и по всем отсекам кораблика разнесся сигнал боевой тревоги. Отдыхающая смена с нескрываемым возбуждением посыпалась со шконок и бросилась по местам согласно боевому расписанию. Еще бы! Это там, в Охотском море, они все время бегали за рыбаками, а здесь тревога могла означать только одно: на горизонте враг. Вот сейчас они им зададут. Век помнить будут.

— А как же приказ Макарова?

— Приказ — это замечательно, да только поглядите, какая темная ночь. У нас оптика, специально приспособленная для наблюдений в ночных условиях, у японцев, да и ни у кого другого, этого нет и в помине, так что обнаружить нас у них вряд ли получится. Атакуем с пятнадцати или семнадцати кабельтовых — и отвернем.

— А если это, к примеру, англичанин?

— Ну и что? Нечего в районе боевых действий с погашенными огнями шастать.

— Ну а если это какой-нибудь авизо? Не жалко мин — они ведь переделанные, дальнеходные?

— А война — она вообще штука затратная. А потом, цена даже новых четырех торпед и даже самого старого авизо несопоставимы. Николай Николаевич, готовьте все четыре аппарата, — сразу же встретил минного офицера Антон.

— Есть, — только что был — и вот словно ветром сдуло.

— Вижу цель, пеленг двадцать! — Сигнальщик взволнован, едва не дает петуха. Ну да оно и понятно — первое сближение с боевым кораблем. Это потом парнишки пообвыкнут, а сейчас для них все в новинку, нервы на пределе.

— На дальномере.

— Цели не наблюдаю. — Понятно, это в ночную оптику корабль уже определился, на дальномере она послабее будет. Как бы то ни было...

— Курс тридцать пять. — Нужно взять упреждение, чтобы торпеды имели возможность поразить цель с как можно большей дистанции.

— Есть курс тридцать пять.

Вновь легкий крен — и «Росич», рассекая водную гладь со скоростью в тридцать пять узлов, устремляется напересечку противнику. Его пока не видно, но это только пока. Аппараты к бою изготовлены, экипаж стоит по боевым постам, ребята заметно нервничают, напряжение ощущается прямо-таки физически. Ну, Господи помилуй.

— Вижу цель! Дистанция двадцать четыре кабельтовых!

Вот и ладушки. Ход тут же снижается до крейсерских десяти — незачем выдавать себя бурунами, да и торопиться некуда. Антон приникает к ночной оптике, которая в настоящий момент застопорена в боевом положении и выполняет роль прицела. Корабль виден

смутно, только очертания — ни принадлежности, ни класса установить не получается. Хотя, судя по контурам, на крейсер все же не тянет, водоизмещение тысячи три-четыре, но это так, умозрительные заключения, основанные на среднепотолочных данных. Две слегка скошенные назад трубы. Вроде вырисовываются очертания орудий, но полной уверенности нет. А с другой стороны, на гражданское судно не похож.

— Доверни на пару градусов вправо. — Рулевой послушно выполняет команду, и контур корабля начинает перемещаться в намертво закрепленной оптике, вроде нормально. — На дальномере.

— Дистанция двадцать кабельтовых.

Рано. Мины будут запускаться на тридцатиузловой скорости, дальность хода в двадцать два кабельтовых — нужно отыграть еще хотя бы пару для полной уверенности, тем более что обстановка вполне это позволяет. Цель опять смещается, по прикидкам, идут двенадцатиузловым ходом или около того.

— Еще вправо на один градус.

— Есть право на один градус.

Вновь корабль перемещается немного назад. Вроде нормально получается с упреждением. Дальномерщик продолжает выдавать дистанцию. Ага, восемнадцать кабельтовых. Пора!

— Первый пошел!..

— Первый пошел! — вторит Некляев, минный офицер «Росича». Толчок. Легкая дрожь палубы под ногами. Всплеск.

— Второй пошел!..

Все, теперь пора отваливать. Попадут торпеды в цель или нет, уже не имеет значения — нужно уходить. Все, что могли, они уже сделали: четыре сигарообразных вестника смерти уже мчатся к своей цели.

— Лево сто!

— Есть лево сто.

Угол довольно велик, а потому, несмотря на небольшую скорость, «Росич» дает ощутимый крен — конечно, не так, как даже на среднем ходу, но все же. Антон замер, наблюдая за секундной стрелкой. Черт, как все же медленно тянется время. На палубе движение, минеры спешно, но без суеты перезаряжают аппараты: все же великое дело тренировка. Время.

Проходит еще несколько лишних секунд, прежде чем раздается взрыв, затем с трехсекундной задержкой еще один. И все, тишина. Похоже, первая и последняя мины прошли все же мимо. Антон вновь прикидывает к оптике, развернув ее в сторону атакованного противника. Хотя виден только контур корабля, сразу заметно, что он сильно кренится на правый борт. Включилось освещение, но практически сразу погасло — значит, динамо-машина издохла. Замелькали какие-то огоньки, которые начали беспорядочно метаться по палубе:

не иначе как члены экипажа вооружились фонарями. Крен продолжает неуклонно расти, вот он достиг угрожающего угла — и корабль начинает опрокидываться. Антон как замороженный наблюдает за этой картиной агонии. Попробовать кого-нибудь спасти? Ну уж нет. Не дай господь, окажется, что это какой-нибудь нейтрал. Да и парням сейчас ни к чему смотреть на людей, беспомощно болтающихся в воде и молящих о помощи. Одно дело представлять себе эту картину, совсем другое — наблюдать воочию. Нужно отправляться на поиски «Чукотки», здесь они свое дело уже сделали.

— Ваше превосходительство, вы приказали сообщить в любое время, если на связь выйдет прапорщик Песчанин.

Дукельский, вытянувшись в струнку, стоял перед Макаровым, который со сна часто моргал и никак не мог сосредоточиться. Чертов Того — и нейдет же ему, — этой ночью была повторная попытка запереть проход, а как следствие — бессонная ночь для адмирала, которая по счету. Слава богу, с брандерами разобрались, японцам так и не удалось повторно перекрыть фарватер, хотя они и задействовали шесть пароходов под прикрытием двух дивизионов миноносцев.

В Артуре сейчас с легкими силами было не сказать что плохо — просто катастрофа, в строю было всего-то шесть миноносцев, остальные в ремонте. Но убранный-таки из прохода «Бывалый» позволил выйти в море «Новику» и «Боярину», команды которых долгое время изнывали от безделья и злости. Сегодня ночью они оторвались на всю катушку, вымещая весь накопившийся негатив на противнике, и три потопленных миноносца тому подтверждение. Степан Осипович и сам не удержался — отмахнувшись от всех уговоров, он поднял свой флаг на «Новике» и лично участвовал в бою за проход. И вот теперь решил немного вздремнуть, хотя бы часик.

Наконец сказанное флаг-офицером, с виноватым видом стоявшим сейчас перед ним навтыяжку, дошло до сознания Макарова, и тот, резко потеряв лицо, тут же взглянул на часы. Меньше часа. Он проспал меньше часа — выходит, что и не поспал, а всего лишь вздремнул. Да-а, все же возраст берет свое, в молодости у него энергии хватало куда на большее. Ладно, отоспимся на том свете.

— Читайте.

— «Будем в пределах видимости крепости в девять часов. Песчанин». — Опять быстрый взгляд на часы — да что ты будешь делать, никак не получается сосредоточиться. Ага, восемь тридцать.

— Передайте Матусевичу мое распоряжение. Крейсерам в полном составе выдвинуться на внешний рейд. При получении от наблюдателей на Электрическом Утесе сообщения о приближении «Чукотки» и «Росича» идти на сближение.

— Миноносцы?

— Нет. Им и без того за последнее время достается, а усталость имеет свойство накапливаться. Не хватало еще начать по-глупому нести потери, только потому что экипажи переутомились. И если вам не трудно, разбудите меня, как только корабли сблизятся. Что-то я совсем расклеился — думаю, что час у меня всяко-разно будет.

— Непременно, ваше превосходительство.

Как только дверь за Дукельским закрылась, Макаров мельком взглянул на календарь. Надо же, первое июня, Песчанин точен. Что же, сам он тоже выполнил все намеченное — вон проход расчистили, как и обещал. Довольно улыбнувшись, Степан Осипович откинулся на подушку и, перевернувшись на другой бок, натянул на себя плед, а уже через минуту каюта наполнилась легким храпом уснувшего на кожаном диване адмирала.

За то время, что прошло после памятного боя у Циньчжоу, успело произойти несколько событий. Победа в этом бою, в большей степени обусловленная именно вмешательством моряков, подбросила весьма увесистую гирьку на весы Макарова в его подковоерной борьбе за сосредоточение командования в одних руках. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что, благодаря доставленным беспроволочным телеграфам, удалось наладить связь с Инкоу, откуда телеграммы напрямик направлялись в Мукден к наместнику. В одной из телеграмм Степан Осипович горячо уверял Алексеева, что вопрос о единоначалии в Артуре необходимо решить в кратчайшие сроки, ибо у него, Макарова, имеется план мероприятий по укреплению обороноспособности Квантуна и недопущению захвата японцами столь необходимого им города Дальнего с его портом. И это в то время, как настроения сухопутного командования указывали на то, что рассматривается только вопрос о скорейшем отходе к крепости, но никак не о недопущении японцев на полуостров.

Алексеев отреагировал незамедлительно. Конечно, он не любил Макарова, и его успехи не так чтобы и сильно радовали наместника, но Макаров был моряком, а тут уж в дело вступала кастовость. С другой стороны, нелишним было указать его величеству, что моряки, несмотря ни на что, бьют японцев и в море, и на суше. Эвон японцы устроили диверсию и затопили русский пароход в проходе, но моряки не только не опустили рук, а подготовили операцию, в результате которой адмиралу Того были нанесены огромные потери. Стессель настолько плохо организовал оборону цзиньчжоуских позиций, что если бы не вмешательство моряков, то русские части непременно сбили бы оттуда. Алексеев не преминул в красках расписать все недостатки и то, как это сумели компенсировать моряки, вспомнил он и установленные открыто орудия, которые были приведены к молчанию уже через несколько часов после начала боя, и об имеющихся в наличии и никак не использованных аэростатах, кои

так успешно применили моряки. Одним словом, писано было много, а как результат — его величество принял именно то решение, которого так добивался Алексеев.

Сейчас на тафаншинских высотах спешно возводилась оборонительная линия, на закрытых позициях устраивались батареи полевых орудий. По ночам на старых позициях демонтировались орудия и переправлялись на новые, а вместо них ставились муляжи. Солдаты не скрываясь подновляли укрепления, демонстрируя готовность держаться там и дальше, в то время как за их спинами готовилась та линия укреплений, которую, собственно, и собирались удерживать русские.

Землю вспороли зигзаги окопов в три линии с такими же зигзагообразными ходами сообщений. На позициях появились блиндажи, которые перекрывались бревнами в три наката, что позволяло им выдержать даже прямое попадание стопятидесятимиллиметровых снарядов полевых мортир. Но самое главное — возводилось двадцать дзотов, которые должны были перекрыть сплошным пулеметным огнем все пространство перед линией обороны. Перед траншеями вырастали проволочные заграждения из колючей проволоки.

Как только Рашевский разработал новую систему обороны, материалы посыпались как из рога изобилия. Концерн, эта темная лошадка, щедрой рукой раздавал лес, цемент, ту самую колючую проволоку, закупленную в огромных количествах в САСШ¹. Нет, все это закупалось, но как. Командование только и успевало писать расписки о выплате за все предоставленное по окончании военных действий, и представителям концерна этого было вполне достаточно. У них же было закуплено две сотни пулеметов, сумели они предоставить в достаточном количестве и патроны, которыми, как оказалось, были забиты их склады. В войска поступило и кое-что новое. Гранаты были придуманы уже давно, но те подделки можно было именовать только бомбами, а вот то, что предоставил концерн, могло именоваться именно гранатами. Всплыли на свет божий и минометы. Представители концерна провели демонстрацию этого оружия, и Белый, он сейчас командовал всей артиллерией на Квантуне, остался им весьма довольным. Легкие, маневренные, способные вести навесной огонь, перекрывая практически все мертвые зоны, минометы должны были сказать свое веское слово в этой гористой и сильно пересеченной местности. В настоящий момент для их освоения был уже выделен личный состав, вот только успеют ли они в достаточной мере овладеть новым оружием до того, как навалится противник, было еще непонятно.

¹ Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ — принятая в те годы аббревиатура).

Макаров не раз и не два задавался вопросом: почему происходит именно так? Предоставь концерн все это раньше... И тут же сам себе и отвечал: все было бы так же. От них попросту отмахнулись бы, как, впрочем, это, по сути, и произошло. Ведь не вчера стало известно о пулеметах, не вчера Песчанин обратился к Рашевскому с предложением о переоборудовании позиций, и не просто с предложениями, а с конкретными расчетами и в готовности передать очень многое из того, что потребуется для ее возведения. Слишком поздно? Как бы не так. Не прошло и двух недель после того, как было принято решение о возведении новой линии укреплений, — и она уже практически готова, и это притом, что новый рубеж намного длиннее первого. Да, для его возведения пришлось привлечь практически весь личный состав дивизии, на время превратившийся в землекопов, каменщиков, плотников, но ведь это возможно...

Все просто. В России, увы ей, новаторы могли предложить что-то новое и полезное не системе, а лишь отдельным личностям. Вот попытался Песчанин выдать на-гора свои задумки при Стесселе — и напоролся на глухую стену непонимания. Повторная попытка его друзей, когда у руля были уже Макаров и Кондратенко, генерал новой формации и передовых взглядов, — и дело пошло, так как они уже руководствовались не вопросом «как бы чего не вышло», а только лишь стремлением удержать Квантун, удержать во что бы то ни стало.

Похожая история и с бронепоездами, оказавшимися главной ударной силой в происшедшем сражении и нанесшими основные потери противнику. А ведь они были построены не благодаря распоряжению Стесселя, а именно по приказу Макарова, силами флота и концерна. Более того, и в бою они действовали, руководствуясь собственной инициативой, практически не согласовывая своих поступков с сухопутным командованием. Только когда наметилась критическая ситуация на левом фланге, Покручин проинформировал Надеина о своем намерении выйти во фланг и тыл атакующим с намерением нанести сокрушительный удар. Благо Надеин или его начальник штаба, чего уж сейчас-то, быстро сориентировался и стянул все, что только было возможно. А если бы моряки планировали свои действия совместно с командованием дивизии, то тут уж подготовленный заблаговременно контрудар обещал наворотить таких дел, что русские могли бы не просто удержать свои позиции, а погнуть противника обратно, возможно, и разбить наголову.

Все это время, с момента назначения его командующим, Макаров метался между Нангалином и Порт-Артуром, а потому выматывался до последнего. Нет, он не мог ничего предложить по производству работ, тем более что сам Кондратенко был по образованию военный инженер, но старался держать руку на пульсе. Как только стало ясно, что проход вот-вот будет свободен, Степан Осипович полностью сосредоточился на эскадре. Нужно было готовить корабли и, самое

главное, личный состав к боевым будням. Только перехватив инициативу на море, Россия могла победить в этой войне, он всегда верил в это, а стало быть, ему придется продолжить спор с Того и заставить его отступить. Тем более что для этого у него был неплохой шанс: за время стояния успели отремонтировать все корабли и даже провести профилактические работы по переборке машин. Плохо было с миноносцами — чего уж там, просто катастрофа, — но приходилось играть теми картами, которые были сданы.

Когда Дукельский в очередной раз разбудил Макарова, тот проснулся уже куда более бодрым. Нет, полностью восстановиться не получилось, но и состояния полной разбитости тоже не было. Наскоро приведя себя в порядок, Степан Осипович поднялся на мостик. Понятно, что в море нечего и думать о том, чтобы принимать доклады, и по большому счету ему тут вообще было не место, но он хотел лично присутствовать при прибытии этих кораблей. Это были не просто корабли — это был его залог на успех в предстоящих боях. Эти два корабля были вестниками того, что переход небольшого отряда по Желтому морю — это не иллюзия, а вполне свершившийся факт, и если это возможно для двоих, то по силам и десятку, тем более что десяток будет куда опаснее.

Организация встречи оказалась нелишней, так как напересечку «Чукотке» и «Росичу» уже двигались два отряда из четырех легких крейсеров и четырех миноносцев. Возникшие русские крейсера вынудили противника изменить курс и ретироваться, бессильно наблюдая со стороны за тем, как в крепость проходит транспорт с необходимыми для осажденной крепости грузами. А чем еще мог оказаться этот пароход?

Было у этого выхода еще одно значение. Как видно, появление на блокирующей линии одних только легких сил говорило о том, что Того еще не имеет информации, что проход удалось расчистить. Возможно, у него были сведения от участвовавших в ночном бою командиров миноносцев, но появление легких крейсеров, имеющих куда более мелкую осадку и габариты, вовсе не означало, что проход свободен. Затонувший пароход вполне могли и развернуть вдоль прохода, что позволило бы вывести «Новика» и «Боярина». А вот выход всех крейсеров уже говорил однозначно о том, что проход свободен. Это обстоятельство неизменно должно было оказать влияние на дальнейшие действия японского адмирала. А вот какими они будут? Что же, война план покажет.

— Экипа-аж! Сми-ирна! Ваше превосходительство, плавбаза «Чукотка» и миноносец «Росич» прибыли в ваше распоряжение. Личный состав здоров, матчасть исправна. Командир миноносца «Росич» прапорщик Песчанин. — Антон, не скрывая своего радостного возбуждения, смотрел на адмирала, который ему показался несколько усталым, ну да не на пикнике — чай, тут война. Сам он тоже из-

рядно устал — все же больше недели в море в постоянном напряжении, — но он был и помоложе.

— Вольно.

— Вольно!

Макаров внимательно осмотрел экипаж этого кораблика, только что завершившего трудный переход по водам, где господствовал противник. Господи, да ведь это же самые настоящие мальчишки, им еще года по два-три до призывного возраста. Но орлы. Глаза горят лихорадочным огнем, лица полны задора, ну ничуть не уступят бывалым морякам. Отдельной группой стоят офицеры и унтеры. А вот тут полный контраст — все отставники, хотя и выглядят бодро, но видно, что годы у них уже не те, хотя, как говорится, есть еще порох в пороховницах. А вот знаков различий никаких. Кхм.

— Прапорщик, давайте пройдем в вашу каюту.

— Прошу, ваше превосходительство. Виктор Михайлович, командуйте.

— Что так-то, по имени-отчеству, перед строем? Непорядок, — когда они наконец оказались в каюте Антона, попенял адмирал.

— Так звание только у меня, остальные по-прежнему являются бойцами Магаданского ополчения.

— Мой недосмотр. Наверное, старею. Сегодня же представьте списки Петру Афанасьевичу, он командует отдельным отрядом истребителей, в который войдут оба корабля.

— Слушаюсь.

— Докладывайте, как прошел переход.

— Прибыв в Магадан, я организовал рейд по Охотскому морю, уменьшив рыболовный флот японцев на двенадцать вымпелов. Паре судов я дал уйти, чтобы до противника дошло, что «Росич» сейчас охотится в тех водах в составе ополчения.

— Могут и корабли подтянуть.

— Сомнительно, ваше превосходительство, сейчас для них главное — Порт-Артур и Владивосток, а вот если с этим разберутся, тогда вполне возможно.

— Продолжайте.

— Переход прошел без происшествий, нам вполне удалось проскользнуть незамеченными.

— Никого не пытались атаковать? — Макаров впери в Песчанина внимательный взгляд, и тот, не выдержав, потупился.

— На траверзе Чемульпо нами был обнаружен крейсер, который шел без ходовых огней, я принял решение об атаке.

— Вы с ума сошли?! Откуда уверенность, что это японский корабль?!

— Я в своем уме, ваше превосходительство. Если это был нейтрал — это он сошел с ума, решив бродить по театру военных действий без ходовых огней.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕРН	7
И ПРИШЕЛ С ГРОЗОЙ ВОЕННОЙ...	289
МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ...	523